

The book cover features a close-up of a green snake's head, with its mouth slightly open, revealing two large, glowing orange eyes. The snake's scales are a vibrant green with a textured, bumpy appearance. The background is dark, making the green and orange colors stand out. The text is in white, with a serif font. The author's name is at the top, the title is in the center, and the subtitle is at the bottom. The cover has a worn, aged look with some fraying at the edges.

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА
СТРАНЫ
МЕЧТЫ

МЕСТО СНОВ

Эдуард Николаевич Веркин
Место Снов
Серия «Хроника
Страны Мечты», книга 1

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165359
Веркин Э. Место снов: Роман: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-19323-5*

Аннотация

Веришь, что компьютерные игры могут оказаться реальностью? Хочешь стать рыцарем и на полном серьезе сражаться с кровожадными чудовищами? Полетать на настоящем помеле? Попасть туда, где всегда лето и совсем-совсем нет взрослых? Мечтаешь, чтобы все твои мечты сбылись?

Пожалуйста! Достаточно лишь найти путь. Путь в Страну Мечты.

Но! Но берегись! Все на свете имеет обратную сторону. Будь скромн в своих желаниях, иногда они сбываются! Мечтай осторожно!!!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	88
Глава 8	107
Глава 9	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Эдуард ВЕРКИН

МЕСТО СНОВ

Глава 1

Фотограф Живодеров

Зимин смотрел в окно.

Двор был как двор. Полдень и пустота, скука. Даже вороны, промышлявшие по балконам мелким воровством, и те куда-то свалили. Полдень, пустота и скука, потом где-то посыпались бутылки, что-то бумкнуло, и из подворотни вылетел мохнатый, похожий на маленького медведя, пес.

Пес был не один. За псом на веревке тащился человек. Тащился в буквальном смысле – по земле, вернее, по асфальту. Ну и по земле тоже, конечно. Вскрикивая, переворачиваясь, врезаясь в бордюры, столбы и другие складки дворовой местности.

Зимин подумал, что где-то он такое уже видел. В кино. Там людишек привязывали к коням и таскали по страшным буеракам с наказательно-вразумительными целями. До тех пор таскали, пока здоровье таскаемых окончательно не расстраивалось. Но то, что человека тащила собака, показалось Зимину необычным и новым, такого он еще не видел.

Пес бежал быстро. Опрокинул лбом мусорный бак, из бака разлетелись пестрые консервные банки. Что прибавило происходящему беспыльности и веселья.

Человек продолжал что-то кричать и пытался зацепиться конечностями за окружающий ландшафт.

Зацепиться не удавалось.

Псина проскочила двор по диагонали и ворвалась на детскую площадку. Остановилась. Человек на веревке попробовал встать, но пес снова рванул, и человек упал. Собака врубилась в фанерный игрушечный поезд, втащила за собой своего преследователя. Человек стукнулся головой о первый вагон, но веревку не выпустил, стукнулся еще раз.

А потом еще, еще и еще. С каждым рывком. И все лбом. Он стукнулся лбом так много раз, что Зимин даже позавидовал крепости его черепа. И подумал, что все-таки долго при таком усердии и самая крепкая голова не выдержит, терпению любой головы положен предел сопроматом...

Но голова выдержала, не выдержала детская площадка. Фанера треснула, человек пролетел через вагон, пес ломанулся в подъезд. Человек втащился за ним.

Двор снова опустел.

Зимин хотел подумать про это происшествие что-нибудь оригинальное, не каждый ведь день такое встретишь, но не успел. Поскольку в комнату заглянула мать.

– Зимин, ты бы, что ли, в магазин сбегал, – сказала мать.

Зимин поморщился.

– Ну не морщись, Зимин, – улыбнулась мать. – От этого морщины на затылке образуются. Сходишь?

В голове Зимина пролетели способы отмазки от похода в магазин. Простуда. Плохое настроение. Маньяк-щекотун.

Сослаться на простуду нельзя – весна на дворе, на простуду всем плевать. На плохое настроение плевать еще больше. Оставался маньяк.

– Я бы, конечно, ходил... – неуверенно сказал Зимин. – Но там ведь это... Маньяк.

– Какой еще маньяк? – устало спросила мать.

– Щекотун.

– Какой? – мать не выдержала и рассмеялась.

– Щекотун, – повторил Зимин. – И ничего тут смешного нет. Два дня назад он поймал Ляжку, ну, ты его знаешь. Обмотал скотчем так, что тот не мог шевельнуться, и давай пятки щекотать! Два часа щекотал. И на видео все заснимал...

– Я твоего Ляжку сегодня видела. Вполне процветающий обормот. Ничуть не защекотанный. Даже поправился.

– Конечно, не защекотанный, – согласился Зимин. – Его люди спасли. Наш трудовик шел в гараж, видит, человека защекотывают. Подошел, выручил. А маньяк в неизвестном направлении скрылся, да. Не исключено, что он еще там рыщет...

Мать снова вздохнула. Но уже не устало, а раздраженно.

– Деньги и список на столе. И давай без всего этого, ладно?

Вообще, в магазин Зимина посылали нечасто – он все время покупал не то, что было надо. Вместо муки покупал крахмал, вместо уксуса – водку, а вместо творога адыгейский сыр. Мать вздыхала и говорила, что ей проще сходить самой, чем посылать такую бестолочь. Поэтому, если уж Зимина и посылали в магазин, например, у мамы у самой болела голова или по телеку шел фильм про любовь, то всегда вооружали запиской с точным указанием, чего и почему надо купить. Зимин вздыхал, Зимин мялся, страдал и оттягивал момент, но потом все-таки хватал сумку, запасался деньгами и брел через дорогу в «Ягодку».

Именно с похода в «Ягодку», кстати, и началась вся эта история.

– Мне еще обед готовить, между прочим, – сказала мать, – так что без лишних разговоров давай. В магазин, в магазин.

Зимин лихорадочно прикидывал, как все-таки отбрыкаться от шопинга. Но на скорую руку ничего не придумывалось. Поэтому Зимин соврал банально:

– У меня нога болит, ма.

– Ничего у тебя не болит, – сказала мать. – Дуй. Деньги и список...

– На столе.

Зимин оделся, прихватил деньги и список товаров, хлопнул дверью и побежал по лестнице.

По пути вниз он корябал ключом стену и размышлял о превратностях своей несчастной судьбы и о том, что ско-

ро лето, а на лето его загонят в деревню. А в деревне хоть вешайся – в телевизоре одна программа, комары размером вот с ту мохнатую собаку, а местная молодежь интересуется лишь танцами и совершенно дика, не отличит CD от DVD. И уж, конечно, никакого тебе компьютера! Ноутбук папахен не даст, это стопроцентно, а следовательно, три летних месяца можно из жизни просто-напросто вычеркнуть... Но за три месяца можно было бы попробовать прокачаться до семнадцатого уровня... Но теперь про излюбленные игры придется позабыть. Время пропадет зря, совершенно зря...

Зимин вспомнил огромные бабушкины пироги, которые, чтобы бабушку не обидеть, приходилось есть. И густое молоко, которое надо было пить «для росту». Вспомнил и привычно ужаснулся.

Избежать деревни не удастся, это ясно. Мать считает, что Зимину полезен деревенский воздух и деревенские продукты тоже полезны – они ведь «экологически чистые» и насыщены полезными бактериями. Мать не переубедить, это железобетонно. Можно попытаться на самом деле заболеть, но это тоже не выход, заболеешь – мать запретит компьютер, ведь она считает, что он «излучает».

Мать – безнадежный человек, подумал Зимин в трехмиллионный раз, вздохнул и вышел на крыльцо.

Народу во дворе по-прежнему не наблюдалось. Зимин стильно, сквозь зубы, плюнул в клумбу и потащился в направлении магазина «Ягодка». Чтобы не терять времени со-

всем уж зря, он пинал ногой нарядную консервную банку. С банки легкомысленно улыбалась невкусная атлантическая макрель.

Зимин пинал банку до половины пути. Едва завиднелся магазин, он столкнул ее в канаву – звуковая демаскировка в районе «Ягодки» была ни к чему.

Поскольку в районе «Ягодки» водилось некоторое количество хулиганов.

Хулиганы уже давно никому не досаждали – в силу того, что окончательно разложились от обилия стимуляторов, но все равно, лишний раз встречаться с ними Зимину не хотелось. Обычно хулиганы сидели на завалинке супермаркета «Ягодка» и смотрели на окружающих скучными глазами. Когда Зимина посылали в магазин, хулиганы всегда спрашивали: нет ли у него мелочишки? Если мелочь была, Зимин никогда не жадничал, и хулиганы были ему благодарны.

– Спасибо тебе, курок, – говорил вождь хулиганов, однорукий Крюг, – не дал окочуриться, а Гильгамеш – он все видит...

И Крюг скрипел по бетонной стене своим крюком, хрипло по-стариковски смеясь. На самом деле Крюг был всего на три года старше Зимина, просто как-то раз он глушил в соседском пруду бычков с помощью бомбы, построенной из огнетушителя. В результате ему оторвало руку зарядом, с тех пор он и стух от нечего делать.

Но в тот день возле магазина было тоже странно пу-

сто – хулиганы куда-то делись, даже вечно дежурного Крюга не было. Зимин повертел головой с целью обнаружения возможных стражей правопорядка, но и те отсутствовали, окрестности были непривычно безжизненны. Тогда Зимин вошел в «Ягодку», приобрел похожий на бейсбольную биту французский батон, приобрел молоко с ванилью для матушки и пиво с вишней для папахена, кинул два рубля побирушке и двинул назад.

Возле дома № 17 по улице Промышленной Индустрии Зимин остановился вытряхнуть из кроссовки назойливый камушек. Прислонился к стене и, балансируя на одной ноге, принялся ловить в районе носка чертов булыжник и думать о вселенской мировой подлости, как вдруг из-за угла послышалась ругань, а вслед за руганью появился хулиган низшей иерархии Бахыт Аюпов. Впрочем, Бахытом его никто не называл, все называли Монгольцем – за раскосую физию и подловатые повадки.

Зимин вспомнил, что в передаче про то, как Александр Македонский взял да и завоевал весь мир, говорилось, что Бахыт на каком-то их там языке означает «счастливый».

Монголец не выглядел счастливым, Монголец ругался и волок на веревке здоровенного лохматого пса неясной породы. Зимин пригляделся и увидел, что это тот самый пес, который не так давно устроил погром на детской площадке, произвел опрокидывание мусорных баков и организовал другие безобразия.

А Монголец соответственно тот самый человек, которого таскали по асфальту и неоднократно били головой. Об этом свидетельствовали несколько шишек на лбу Монгольца, расцарапанная рожа и изодранная по фасаду туловища рубашка. Пес постарался.

Впрочем, сейчас он был вполне образумлен, несильно упирался, но по его морде было видно, что он уже смирился со своей участью и стал непротивленцем злу насилием. Совсем как граф Л. Толстой, про которого Зимину как раз недавно рассказывали в школе. Вид у пса был капитулянтский и жалкий.

Сам Монголец был невысок, сутул и неопасен. Неопасен, почти всегда неопасен. Зимин это знал, но, чтобы придать себе уверенности, посмотрел на часы и зевнул. Монголец увидел Зимина и сделал объяснительное лицо.

– Вот, – сказал он. – Собачку нашел...

– Повезло, – кивнул Зимин. – Повезло. Хотели детскую площадку из железа строить, потом решили сэкономить. А то бы голова бо-бо...

Монголец потрогал лоб.

– Да уж...

– Надо бы зеленой смазать. – Зимин подкинул в голос сочувственности. – Может обострение случиться... Хорошая собачка у тебя...

– Хорошая... Породистая собака.

– Вэйянский дог? – спросил Зимин. – Реликтовый чау-чау

– первая собака-космонавт?

– У... – просительно сказал пес и посмотрел на Зимина.

– Сидеть, Шашлык! – Монголец ткнул собаку ботинком. –

А то по ушам! Тоже мне, друг человека...

– Мучить будешь? – спросил равнодушно Зимин.

– Не знаю, – Монголец пожал плечами. – Может, и помучаю чуть-чуть, так, для интереса. Как настроение пойдет...

– Понятно, – снова зевнул Зимин.

– А ты что, увлекаешься? – в глазах Монгольца проскочил интерес. – Любитель собак? Может, это твоя собака?

– Не, – сказал Зимин. – Не моя. Она, наверное, ничейная.

Бомжара.

– А то я продам, – Монголец ощерился ломаными зубами. – Стольник всего. Бери – не пожалеешь. Унты сошьешь.

– У меня на собак аллергия, – сказал Зимин. – А унты мне не нужны, у меня валенки есть финские.

– Все равно купи, – сказал Монголец. – Погляди, какой он жирный.

Монголец подергал собаку за шкуру, продемонстрировав степень упитанности.

– У... – жалобно промычал Шашлык. – У...

– Килограмм тридцать в нем чистого мяса, – подмигнул Монголец. – Замаринуешь с луком – такие шашлыки получатся! Или с кефиром. Отдам за семьдесят.

– Я не поклонник корейской кухни, – покачал головой Зимин.

– А мне по барабану, – Монголец потрепал собаку за ухо. – Корейская, французская... Уже давно по барабану. Не знаешь, может, кому надо?

Зимин почесал багетом затылок, сказал:

– В сто восьмую сходи. Там шкурник живет.

– Кто? – не расслышал Монголец.

– Кто-кто, шкурник. Фотограф Живодеров. Шапки делает. Из такого вот друга целых две получатся. Вона шерсти сколько. Можно валенки валять...

Монголец согласно закивал.

– Вообще-то это Шашлык, – сказал он. – Шашлык добрый. Я его с детства знаю... А сейчас, ну, сам понимаешь, не могу больше... Бабки нужны, хоть вешайся, плохо... А он от меня утром убежал, его Ляжка поймал. Я пошел искать, смотрю, он его волочет, я ему говорю, отдай собаку, а он мне типа: я его в «Шаурму» только так продам. Ну, я его за полтинник выкупил, а сейчас все, не могу...

– Полтинник... – задумчиво сказал Зимин. – Это ты переплатил, рынок обваливаешь... Ну да твое дело, мне пора.

Зимин сделал лицо как у Чингачгука, поглядел на часы и двинул домой.

– Ну и как хочешь, – сказал в спину Монголец. – А я тоже пошел отсюда.

Монголец притянул к ноге пса, пнул его коленом, после чего дурным рэпперским голосом прочитал:

– Лис улыбнулся, а Принц загрустил, в ответе за тех ты,

кого приручил...

Зимину показалось, что про Принца, Лиса и тотальное приручение он где-то уже слышал, кажется, на внеклассном чтении, но задумываться об этом Зимину не хотелось. Он прибавил ходу, улица Промышленной Индустрии осталась позади. Монголец с собакой и идиотской песенкой остались позади тоже.

Зимин сломал багет, половину спрятал, другую стал объедать с более пропеченного края. Делал он это не из-за голода, а так, просто. Батон приятно хрустел, к тому же это была традиция. Возле бесконечных лент кооперативных гаражей он батон спрятал и стал по привычке читать давно читанные надписи про Россию и ее великое будущее, про разную любовь и считать двери гаражей. На тридцать седьмой двери из прохода между гаражами высунулась бритая круглая голова горшкообразной формы. Голова осмотрелась, увидела Зимина и сказала:

– Зимин, это ты, что ли?

Голова принадлежала Ляжке, и был этот Ляжка действительно отнюдь не защекоченным. Зимин не спешил отвечать голове, поскольку опасался, что едкий Ляжка тут же скажет: «А я думал, куча просто навалена»...

Но Ляжка этого не сказал. А сказал он следующее:

– Ладно, Зимин, не почкуйся, у меня к тебе дело есть.

Ляжка был прозван так отнюдь не случайно.

Из-за фамилии. Фамилия у Ляжки была довольно обыч-

ная – Ляшко. Однако едва он оказался в школе, как буйная фантазия сверстников почти мгновенно переделала его эту довольно обычную фамилию Ляшко в не очень благозвучную кличку – Ляжка. Кличка Ляжке, честно говоря, шла: ляжки у него были на самом деле выдающиеся – большие и круглые, как и весь остальной Ляжка. У всех, кто их видел, сразу возникало желание треснуть по этим ляжкам линейкой или уколоть их циркулем...

Впрочем, помимо ляжек, Ляжка обладал и другими выдающимися достоинствами. Ляжка мог достать настоящие американские сигареты. Мог достать диск с базой данных УВД или редкий австралийский журнал про разведение кенгуру в домашних условиях. Мог приобрести через завхоза Петрушку пиво. Одним словом, в определенных жизненных моментах Ляжка был просто незаменим. Зимин однажды имел дело с Ляжкой – ему была нужна одна программка, а найти ее ни в Интернете, ни у знакомых не получалось. Ляжка достал ее за пять дней. Комиссионные и уровень ляжкинского сервиса Зимина вполне удовлетворили.

Ляжка.

Как ни странно это может показаться, но Ляжка был вполне доволен своим неблагозвучным прозвищем, поскольку на самом деле родители имя дали ему еще более загогульное – Владипер, а почему, неизвестно. Может быть, это была даже и ошибка работников ЗАГСа, но кто сейчас разберет? А разве можно жить в обществе с именем Владипер? Лучше сра-

зу отравиться настоем китайских спичек, чем жить с именем Владипер. Возможные варианты прозвищ ужасающи. А если обладатель подобного благородного имени невысок, толст и угреват, если на стенах его подъезда одноклассники написали «Балладу о Владипере» – сочинение, в котором рассказывалось про то, как однажды Ляжка пошел в лес по грибы, а попал в плен к лесным нимфам...

Короче, если все эти факторы скрещиваются на человеке, то жить этому человеку нелегко и безрадостно.

У некоторых изначальная ущербность компенсируется денежным достатком и возможностью приобретать приятные вещи. Когда ты в состоянии позволить себе японский мопед – прыщи твоей души не так болезненны, не так заметны. У Ляжки денежного достатка не имелось, и все его прыщи были наружу. И зудели.

Мать Ляжки работала на железной дороге и любила играть в лото, отец бросил их пять лет назад, у него был чеченский синдром. Что он любил, Ляжка не знал, потому что все время, что Ляжка его помнил, отец лежал на диване и рисовал на потолке узоры лазерной указкой.

Сам же Ляжка любил дынный мармелад, коллекционировал постеры с симпатичными певицами, копил на поездку в Болгарию, потому что свято верил, что в прибрежных водах Болгарии водится столько лобстеров, что их можно ловить голыми руками. И ногами. Ничем, короче, Ляжка не отличался от миллионов своих сверстников. Было Ляжке тринна-

дцать лет.

Ляжка выставился из-за гаража.

– Зима, иди сюда! – зашипел он и выпучил глаза. – Иди, не пожалеешь!

Зимин безразлично посмотрел на Ляжку.

Вид у Ляжки был несколько взволнованный. Да нет, Ляжка просто трясся от распирающих его чувств, глазки его просто выпрыгивали из орбит, собирались пойти погулять сами по себе, будто изнутри их выталкивала какая-то мощная радостная сила. Поэтому Зимин подумал, что, возможно, Ляжка и на самом деле хочет предложить нечто особенное, и тогда и правда имеет смысл к нему подойти. Зимин сказал:

– Ну, привет. Чего у тебя?

– О! – Ляжка завибрировал. – Мой жадный компьютерный друг! У меня есть кое-что... кое-что, от чего ты не сможешь отказаться! Супер! Ты себе просто представить не можешь...

– Короче давай, – посоветовал Зимин. – Мне еще домой идти жить, хлеб вот несусь, каша стынет.

– Какой хлеб, Зима! – Ляжка огляделся и затащил Зимина в проем между гаражами. – Какое селедочное масло! Забудь про хлеб, забудь про воду, забудь про масло, забудь!

Между гаражами было тесно, к тому же ляжки Ляжки занимали весьма значительную часть межгаражного пространства, и Зимин прикладывал значительные усилия, чтобы не прислониться к пропитанной маслом стене и чтобы не быть

раздавленным тяжелым ляжкинским пузом.

– Знаешь, что у меня есть? – зашептал заговорщически Ляжка.

– Знаю, – ответил Зимин. – Могу даже поспорить, что у тебя есть. У тебя есть фотографии голой Майки Ветерок.

– Ы! – восторженно замычал Ляжка. – Какая Ветерок? Фотографии сотни голых Ветерков не стоят половины того, что у меня есть!

– А, понятно...

Тут Зимин вдруг почуял, что у Ляжки и в самом деле может быть что-то интересное и ценное, а значит, действовать надо осторожно и хитро. Зимин сделал совсем скучное лицо и сказал «А, понятно...» еще раз. Сказал совсем незаинтересованным тоном.

– Понятно... У тебя все-таки есть фотографии Майки. – Зимин зевнул. – Ты прокрался в женскую раздевалку, да? Караулил с утра? И заснял Майку Ветерок, да? Конечно, это интересно...

Зимин коварно улыбнулся окоченевшему Ляжке.

– Пожалуй, я куплю у тебя пару штук, – Зимин похлопал Ляжку по плечу. – Хотя знаешь, мой грузный Ляжка, может, я куплю у тебя даже негативы. Я Майке симпатизирую, ты же знаешь, я у нее два раза математику списывал. Да, я куплю у тебя негативы. Пусть по десять...

– Какие негативы?! – не выдержал Ляжка. – Какая Ветерок?! Послушай, Зима! Послушай, что я тебе скажу, мэнш!

У меня есть «Место Снов»! Настоящее!

Зимин вздрогнул, даже прислонился спиной к гаражной стене. У Ляжки было «Место Снов».

Настоящее.

Глава 2

«Место Снов»

«Место Снов». Компьютерная игра «Место Снов» была написана три года назад одной малоизвестной австралийской компанией, стала безусловным хитом сезона и почти сразу же была запрещена. У шестидесяти процентов ребят, игравших в «Место Снов», капитально срывалась крыша, остальные жаловались на непрекращающиеся кошмары, расстроенную моторику и *странное ощущение*. «Как будто все не по-настоящему», – именно так сказал парень, обкатавший «Место Снов» одним из первых. Его часто показывали по телеку – он был лыс как полено и с первого взгляда оставлял впечатление человека глубоко больного, психа, короче. В конце концов он повесился на сетевом кабеле, и об этом написали во всех газетах.

В России «Место Снов» продержалось чуть подольше, месяца на два подольше. Игру запретили лишь после того, как с катушек один за другим стали слетать дети членов правительства. Сын военного министра, к примеру, умудрился угнать «Т-82»¹ из одной подмосковной части и начать личное наступление на столицу. Когда его остановили в районе Балашихи и вытащили из танка на свет, он плакал и кричал:

¹ Т-82 – российский тяжелый танк.

– Мертвая голова! Не сдаваться! Штурмовик на одиннадцать часов! Мама... Мама, траки клинит, вашу душу...

Это тоже показали по телевизору, и это было очень весело. Но правительство всполошилось, и весь официальный тираж был изъят и сброшен в домну Магнитогорского металлургического комбината. Все пиратские копии были найдены и раскатаны бульдозером. Борьбу возглавил обессыненный министр обороны, действовал он по-военному быстро и эффективно: уничтожением физических носителей не ограничился, заставил вычистить все журналы, в которых имелись описания игры, снять все сайты поклонников, разогнать общества фанатов и две колонии «искателей места снов».

«Место Снов» ушло в небытие и сразу же из небытия в легенду.

Оно продолжало жить в слухах. О нем говорили в закрытых чатах. О нем шептались в игровых клубах. О нем болтали в подворотнях и продвинутых школьных туалетах.

– Ты в «Сон»-то хоть рубался? – снисходительно спрашивал бывалый красноглазый геймер у неопытного приобщенца во время потаенной переменки.

– Ну дак, – отвечал приобщенец. – Супец полный! Крыша елозит в сторону полюса.

– До какого левела ² допер? – интересовался бывалый.

– Да я так, не втыкался еще по-реальному, – мялся новичок. – Так децл порубался... До третьего уровня дополз по-

² level (англ.) – уровень.

ка...

– Гонишь, фуфел, – бывалый легонько пинал новичка в плечо. – Там вообще уровней нет, впариваешь.

Посрамленный приобщенец краснел и лишался своего мелкого авторитета.

Знаток презрительно осматривал окрестности и рассказывал следующую историю:

– Один пацан, я его знаю слегка, тут недавно достал себе... Ну, как обычно, прогнал защиту, установил, все попутному, короче. Дождался, пока олды на дачу свалят редиску возделывать. Как прыгнет за клавику³, как давай пащелками по батонам клацать! Ну, короче, когда олды вернулись, он сидел на полу в полном отрубке и размазывал по морде густые зеленые сопли. А некоторые и вообще куда-то исчезали. Говорят...

Знаток переходил на шепот:

– Говорят, что «Место Снов» – это что-то вроде Территории Мечты, слышали о такой? Там сбываются все твои фантазии, все желания... Вот так вот, мои маленькие системные психопаты...

Знаток вздыхал и чесал подбородок.

Зимин попытался достать «Место Снов» сразу, как только о нем услышал, но сразу не получилось – в их город завезли всего двадцать коробок, а он был двадцать третьим. Зимин не расстраивался, он рассчитывал в ближайшем бу-

³ Клавика (жарг.) – клавиатура у компьютера.

душем приобрести «Место Снов» на вторичном рынке, но тут игру запретили вовсе.

Зимин в очередной раз был разочарован в жизни.

Очень скоро, однако, появились пиратские версии, Зимин даже купил одну, но сразу понял, что это не то. Пиратское «Место Снов» было заурядной ролевкой с рубиловом на мечях, сиреневыми молниями и тупорылыми философствованиями в промежутках. Зимин играл полчаса, потом рассвирепел и выкинул диск в окно.

Еще год он пытался разыскать «Место Снов» на черном рынке. На каникулах он даже отправился на электричке в Москву, бродил по торговым рядам, спрашивал у продавцов в черных шапочках, и они шарахались от него, как негры от чумной собаки.

Еще как-то раз один случайный парень предложил старый диск и назначил встречу, но на встречу не пришел, хотя Зимин прождал его почти два часа.

И вот, когда Зимин уже утратил всякую надежду, Ляжка предложил ему «Место Снов». И Зимин почему-то не сомневался, что у Ляжки «Место Снов» было настоящим.

– Реальный «Сон», – шептал Ляжка. – У одного тарантула достал. Короче, ну, его старперы в Германию велят, он теперь все свое барахло продает, оно ему не нужно вроде как. Ну, сам втыкаешься, через границу такую штуку не протащить, выкинуть жалко, вот он мне ее по старой памяти и продал. Смотри.

Ляжка сунул руку за пазуху и достал пластиковый бокс с тонкой пластиной переносного винчестера.

– Вот он, блин. Мне-то самому, понимаешь, он на фиг не нужен, я от этой дряни не съезжаю, подумал, что, может быть, он тебе пригодится...

Зимин протянул руку к диску, но Ляжка быстренько спрятал его за спину. Зимин поморщился и сказал:

– Лапша, наверное... Настоящих уже не осталось...

– Я тебе говорю, настоящий! Этому пургену фазер из заграники приволок. А потом, когда запрещать стали, фазер диск с игрой в микроволновке сплавил, а этот чувел не дурак – он себе копию сделал, на этот винчестер скинул, вот так вот. «Место Снов» теперь у меня.

– Надо проверить, – стараясь не волноваться, равнодушно сказал Зимин. – Надо все тщательно проверить...

– Можешь проверять, я тебе его дам, – Ляжка улыбнулся и протянул бокс Зимину. – Я тебе доверяю почему-то.

– Сколько хочешь? – спросил Зимин.

Ляжка сделал блаженное лицо и закатил к небу свои лягушачьи глаза, отчего Зимин сразу понял, что хочет Ляжка никак не меньше двух тысяч.

– Ну, хорошо, – согласился Зимин. – Пусть две. Только ты со мной пойдешь. Вместе прогоним. Смотри, если фуффло, я тебе всю харю до пояса распишу, сукинс.

– Без база, – согласился Ляжка. – У меня как раз есть два часа. Давай поскорее, какие-то тучи ходят...

Они вышли из гаражей и быстро двинулись домой к Зимину.

Дошли быстро. До квартиры почти добежали. Зимин долго возился с замком – руки дрожали.

Мать ждала в коридоре. Она забрала у Зимина продукты, пересчитала в ладони мелочь и протянула сыну десятку.

– Спасибо, ма, – Зимин спрятал десятку в карман.

– Отец собирается лодку резиновую купить, – как обычно, сообщила мать. – Летом поплывем по северным рекам.

– Здорово, ма, – улыбнулся Зимин. – Классно. Мы ко мне пойдем, у нас завтра математика. Повторим.

– Идите, – кивнула мать, – а я рыбу пока пожарю. Есть ведь будете?

– Будем, – быстро ответил Ляжка.

– Ну и хорошо. – Мать ушла в кухню.

Зимин и Ляжка укрылись в комнате.

Комната у Зимина была небольшая, но путевая: телек, мультплеер, стены в излюбленных плакатах – тут тебе и «Анаболик Бомберс», тут тебе и «Черный Бим», тут тебе и британский флаг, и Мисс «Сливочная Европа—2004», все как надо, все как водится у настоящих людей. В углу он – великий и могучий компьютер – подарок папахена, награда за среднюю успеваемость и надлежащее поведение в позапрошлом году. В такой комнате можно было счастливо прожить всю жизнь, Зимин в этом не сомневался. Если бы еще в стене был люк, из которого пару раз в день вываливались бы пиц-

ца и бутылка сока, Зимин взял бы и задвинул входную дверь шкафом, чтобы не лезли к нему эти, которые снаружи.

– Нормальная у тебя матуха, – позавидовал Ляжка. – Классная. Не то что у меня, у меня просто выдра. Одни макарены. А твоя вон рыбу готовит...

– А... – протянул Зимин. – Дура...

Он закрыл дверь и приложил к ней ухо. Мать жарила рыбу, было слышно, как шипит и стреляет масло, как брякает о сковородку лопатка. Отец любил жареную рыбу, это было семейное.

В двери имелась щеколда – как символ невмешательства родителей в частную жизнь их сына, щеколду закрывать запрещалось, за закрытой щеколдой могли происходить «ненужные вещи». Так считала мама, отец с ней, в общем-то, был согласен.

Зимин сел на диван.

– Давай, – он протянул руку.

Ляжка извлек толстыми пальцами переносной диск и передал его Зимину. Зимин взял плоскую коробочку. Руки у него слегка дрожали, и ему пришлось подвергнуть себя психическому усилию, чтобы эту дрожь унять – переносные винчестеры были устройствами хрупкими и часто ломающимися, тряска им была ни к чему. А этот еще и подержанным был, причем изрядно подержанным.

– Не кони, – усмехнулся Ляжка. – Все рулем.

Диск был совсем обычный. Заурядный. Серебристая ко-

робочка, вот и все. Внутри пощелкивают головки. Зимин повертел его и так и сяк, даже понюхал, но ничего выдающегося не обнаружил, кроме, пожалуй, глубокой царапины на поверхности. Зимин никогда не подумал бы, что такая великая вещь, как «Место Снов», может храниться в таких обыденных недрах. К тому же с царапиной.

Царапина Зимина обеспокоила, царапина могла помешать нормальному чтению секторов, поэтому взволнованный Зимин достал специальный спрей и на всякий случай опрыскал сомнительную борозду. Ляжка перехватил спрей, прочитал содержимое и прыснул себе в нос, отчего глаза у него еще больше вылезли из орбит.

– Для настроения, – пояснил он. – А то в башке туман какой-то...

Зимин выждал минуту, пока царапина не затянулась, и подключил диск к компьютеру.

Диск зажужжал и замигал голубым светодиодом, Зимин облегченно вздохнул и приблизился к экрану. Ляжка пристроился справа. Зимин растянул наушники, один себе, другой Ляжке, они затаили дыхание и стали смотреть.

– А ты, вообще, если честно, зачем все это заварил? – неугомонный Ляжка вытянул из обложки на столе DVD с игрушкой.

– Отвали, – буркнул Зимин.

– Хочешь, наверное, таким же стать? – Ляжка постучал ногтем по обложке диска.

На обложке был изображен мускулистый человек со зверским лицом, по которому легко определялось, что человек этот не просто так человек, а герой. Возможно, даже супергерой.

Туловище в выпуклом блестящем нагруднике, пулеметные ленты крест-накрест, из-за плеч торчат рукоятки мечей. Руки голые – это чтобы была лучше видна качественная мускулатура с высоким уровнем сепарации мышечных волокон. В правой руке блестит зазубренный нож, с которого стекает густая зеленоватая субстанция, видимо, вражеская кровь. В левой руке дымится огнемет. Под ногами поверженная рептилия гадкого вида, из вспоротого брюха на песок выползают зелено-оранжевые кишки.

– Хочешь стать таким вот перцем? – приставал Ляжка. – Потрошить чудовищ, спасти белокурых красавиц? Знаю, хочешь, все вы, игроманы, об этом мечтаете...

– Не мешай... – Зимин отобрал у Ляжки диск и спрятал его в тумбочку.

– Не мешайте ему – он загружает Мечту! Идет загрузка Мечты...

По экрану поползли давно знакомые Зимину по многочисленным журнальным описаниям и слухам сиреневые полосы и зигзаги. Зимин стал следить за этими полосами и зигзагами, поскольку знал, что для того, чтобы проникнуть в «Место Снов», нельзя упускать никаких деталей и нужно внимательно следить за происходящим на экране.

Если верить слухам, после полос и зигзагов должны были появиться спирали и воронки, и спирали и воронки действительно появились. Зимин посмотрел на Ляжку – в его глазах спирали и воронки переворачивались и заплетались в странный узор.

Скоро все эти полосы, зигзаги, воронки и спирали начали вдруг сходиться в совершенно небывалые фигуры, от которых у Зимина закружилась голова и вспомнилось причудливое слово «фрактал»⁴. Зимину захотелось оттолкнуться от экрана, но почему-то это у него не получилось, экран тягивал его внутрь, и сколько Зимин ни отталкивался руками, экран не отпускал. Зимину стало немного страшно, он даже подумал, не закричать ли, но кричать не стал. Большим пальцем левой ноги он нащупал кнопку электропитания и на всякий случай приготовился ее нажать.

– О, блин, – завыл справа Ляжка. – Во плющит-то...

Фигуры мелькали все быстрее и быстрее, но вдруг остановились все разом и растаяли. Экран стал совсем белым, а потом на нем возникла надпись черными буквами: «Добро пожаловать в Сон!»

– Это все? – успел разочарованно спросить Зимин.

И тут экран сложился, из него быстро выскочила желтая молния и клюнула Зимина прямо в нос.

Бум.

⁴ Фрактал – объект, имеющий разветвленную структуру, в которой части подобны всему объекту.

Бум. Бум.

Глава 3

Зимин и человечество

Жил-был на свете Зимин. Так его все называли, даже родители.

– Зимин, слетай в магазин, – говорила мать.

– В лом, – отвечал Зимин, но в магазин шел, чего было делать?

– Зимин, футбол смотреть будешь? – спрашивал отец.

– Ломы, – отвечал Зимин, но футбол смотрел, хотя и не любил.

Лица официальные, завуч или там классная руководительница тоже, всегда называли его по фамилии.

Зимин.

– Зимин, дружок, мне кажется, твоя успеваемость оставляет желать лучшего...

Говорила классная руководительница, и Зимин вздыхал.

– Позвонить, что ли, твоим родителям?

Говорила завуч, и Зимин морщился. Переговоры завуча с матерью заканчивались всегда одинаково – урезанием драгоценного компьютерного времени. Или и того хуже – обращением к отцу. Отец являлся с дежурной отверткой, с горестью глядел на своего отпрыска, после чего снимал с компьютера Зимина жесткий диск. Жесткий диск помещался под арест

в отцовский сейф.

– Зимин, Зимин, – вздыхал отец, накручивая на диске хитроумную комбинацию из даты и года своего рождения.

Больше отец ничего не говорил, но Зимину всегда казалось, что отцу хочется добавить: «Ты позоришь нашу фамилию». Сам Зимин так бы и сказал, не удержался бы.

Вообще-то, собственная фамилия Зимину нравилась, и позорить ее он никак не собирался. Фамилия у него была мужская и серьезная. Хорошо звучащая, как по-русски, так и по-английски. И даже по-немецки. А может, и на каких других языках, Зимин не уточнял.

Зимин. Винтер. Красиво. Благородно. И простора для кличкоделов особого нет. Ну, Зимин. Зимин и Зимин. Зима. Нормально.

С такой фамилией можно чем угодно заниматься. В космос летать, в политику идти, науку двигать. Да мало ли чем, Зимин еще не определился. Зато определился его отец. Отец в отличие от Зимины был уже умудрен и знал, что в жизни главное.

– Самое главное – найти себя, – говорил отец. – Ясно знать, что ты хочешь...

– Угу, – отвечал Зимин. – Ясно знать – это важно...

Сам-то Зимин еще не знал, зато знал отец. Отец знал, что Зимин должен окончить школу, закончить институт и поступить на вертолетный завод, на котором работал он сам. Отец Зимины был инженером-энергетиком, но на энергетика при

этом совсем не походил. Энергетики в представлении Зими-на были мускулистыми людьми в желтых касках, от них пахло озоном; когда их било током, они обвисали на проводах ЛЭП, как перезрелый виноград. Его отец никогда не обвисал на проводах, и в этом, по мнению Зими-на, и заключался его главный недостаток. Отец был толстым, хорошим человеком, у него была жена, сын, подержанный американский автомобиль, аквариум с анцитрусами и новый японский фотоаппарат. Каждое воскресенье отец выходил в город и делал вялые «фотографии жизни», заносил их в специальный альбом и показывал гостям. Гости восхищались и говорили, что у отца талант.

Мать Зими-на была тоже хорошей женщиной, она читала журналы про парковый дизайн и про пищевые добавки, очень хорошо разбиралась в драгоценностях и парфюмерии. Ее любимым занятием было приготовление борща, но она этого не знала, а само приготовление борща крайне не уважала, поскольку считала, что борщ унижает современную женщину. Мать работала технологом на сырно-горчичной фабрике, делала плавленый сыр, горчицу и карьерный рост, она родила бы еще пару-другую Зиминых, но отец новых Зиминых не хотел.

Мать мечтала, чтобы Зимин вырос и стал юристом и человеком.

Сам же Зимин не знал точно, кем он хочет быть. Во всяком случае, не юристом, это уж точно.

Вообще-то, Зимин не знал даже толком, кто он есть.

Как-то раз класс писал сочинение на тему «Автопортрет».

Зимин думал над сочинением целый урок, а потом написал: «У меня автопортрета нет». Написал так Зимин не потому, что был ленив или ложно скромн, а потому, что, сколько ни старался, никак не мог обнаружить в себе хоть какую-нибудь особенность или оригинальность, которую стоило бы описать. Зимин был как все. И если бы вы его попросили даже не написать, а хотя бы просто рассказать о себе, он не стал бы этого делать.

Нечего зря болтать, сказал бы Зимин. Уселся бы за клавику, прошел бы пару кровавых уровней дежурного трехмерного мочилова. Потом поторчал бы в чате или посетил сайт «Мертвые американские города». А если бы вы стали настаивать, Зимин потерпел бы вас немножко, а потом выключил бы комп и лег бы спать. И опять же не в силу своей какой-то особой сверхзаносчивости, а в силу того, что люди Зимина ничуть не интересовали. Вернее, интересовали исключительно с прикладной точки зрения – как менеджеры компьютерных салонов, развозчики пиццы, продавцы пиратских дисков с музыкой и программами, соперники по сетевым баталиям и сочинители анекдотов про незадачливых программистов.

Остальные представители человеческого вида Зимина занимали мало. Его вообще мало что занимало.

– Зимин, – говорила ему иногда мать. – Как ты живешь?

Тебя же ничего не интересует! Ты же круглые сутки за своим компьютером пропадаешь! У тебя же вся молодость мимо проходит. Жизнь идет своим курсом, а ты своим. Вернее, ты даже не идешь своим курсом, ты стоишь своим курсом.

Зимин зевал и отвечал:

– Жизнь идет своим курсором, круто... Ма, чего ты, а? Я же в карты не играю.

Мать утрачивала дар речи, Зимин возвращался к монитору. Мать бежала на кухню, пила чай, потом возвращалась:

– Зимин, ты живешь даже не как улитка! Улитка хоть ползет. А ты даже не ползешь! Ты стоишь! Я тебе уже говорила это! Ты существуешь из-под палки!

Зимин пожимал плечами. Он был согласен со своей матерью. Но, с другой стороны, так жили все вокруг.

– Все так живут, – говорил он. – Все-все...

Мать горестно смотрела в потолок.

Все так живут, повторял себе Зимин.

Просыпаются, потому что надо вставать, чистят зубы под страхом кариеса, едят с утра овсянку, чтобы не заработать гастрит, ходят в школу, чтобы получить аттестат, таскаются в магазин, чтобы не ругаться с родителями. Он, Зимин, тоже так живет. И будет жить.

Чтобы не разочаровать отца, поступит в политехнический институт и окончит его без троек. Потом, чтобы не ругаться с матерью, женится на дочери ее знакомой по сыро-горчичной фабрике. Потом, чтобы не ругаться с женой, пойдет на

вертолетный завод руководить изготовлением лопастей для вертолетов. Все будет так. Ничего интересного.

Зимин думал об этом немного, а потом бросал думать. Так и шла жизнь. Когда у Зимина спрашивали: «Эй, фуфел, математику сделал?», он говорил: «У-у, блин, отвали...» А если спрашивали: «Нет ли у тебя полтешка до среды, медуза?», он выдавливал: «Купи себе ласты...»

Иногда, когда возникала необходимость, Зимин говорил и более длинные фразы, такие, как: «Что у вас есть в наличии из последних тактических симуляторов?» Или там: «Ма, да не хочу я есть с утра, у меня идиосинкразия⁵...» Или, к примеру: «Не скользи, угод зеленый, убери свои поганые грабли, а то я их невзначай напололам обломаю». Но это случалось лишь в самых редких случаях, потому что Зимин был существом крайне миролюбивым и в своей жизни дрался всего один раз.

Да и то давно.

Друзей у Зимина не было.

Друзей не было ни внешних (это из-за компьютера и льготной подписки на игровую серию «Новинки 3D экшн»), ни внутренних (это потому, что Зимин не верил в веселого шведа с пропеллером за спиной и рыжими патлами на башке, он верил во флагмана шведского автомобилестроения и его люкс-серию).

И животных же, которые, как известно, вроде бы друзья

⁵ Идиосинкразия – повышенная чувствительность к некоторым продуктам.

человека, Зимин тоже не любил. Когда он оказывался в помещении, где присутствовало животное любых размеров, от джунгарского хомяка до дрессированного слона, Зимин начинал нервничать и свирепо чесаться.

Считалось, что у него аллергия.

Первый и последний его вроде бы друг, парень с нехарактерной для друзей фамилией Агуадилья, любил посещать столовые на городских окраинах и зачем-то порезал Зимину диван. Как раз тогда они играли в один космический симулятор, Зимин отлучился на кухню за пирожками, а на следующий день обнаружил, что диван с обратной стороны весь изрезан яростной бритвой. Диван Зимину было не очень-то жалко, тот все равно был дряхлым, просто он не знал, что дальше делать с Агуадильей. Сегодня порезал диван, а завтра еще что-нибудь сделает, уже более кровожадное. Агуадилья же продолжал к нему приходить, играть, жрать пирожки, и избавиться от него Зимин смог, лишь сказав, что в его компьютере завелся вирус, но не простой, а который и людям передается. И в результате у многих отнимаются ноги. И руки.

Агуадилья к Зимину сразу охладел и стал дружить с Бленкиным – парнем, у которого тоже имелся комп с графическим ускорителем последней модификации.

С тех пор Зимин не хотел никаких друзей. Он отсиживал на уроках и плелся домой. Играть, ползать по Интернету и смотреть телевизор. Иногда, чтобы отвлечь сына от

электронных развлечений, мать покупала ему книжку. Зимин книжку прочитывал и ставил на полку. Читал он быстро, прочитанное запоминал легко, толку в чтении не видел никакого, расстраивать мать не хотел. Книжная полка полнилась, Зимин даже вынужден был приладить на стену вторую.

Отец пытался заинтересовать Зими́на спортом. Бесполезно. Ни в каких глупых секциях бокса, ни в кружках дельтапланеризма, ни в школах выживания в тайге Зимин не занимался. И вообще, спорт Зимин не любил, считал его тупым и ненужным в информационном обществе занятием.

Тратой времени.

Из-за нелюбви к физической активности Зимин имел весьма скудный внешний облик. Он был изрядно сух, хотя и высок, наверное, даже не по годам высок. Таких обычно называют «Скелет» или там «Хилос», «Доход», «Глиста», «Бычий Цепень». А если обнаружится кто-нибудь с особо тонким чувством юмора, то непременно назовет такого задохлика «Бухенвальдский Крепыш».

Из-за нелюбви к физической активности мускульная конституция Зими́на была самая незначительная, объем грудной клетки не превышал объема постельной грелки, руки были совсем тонки, как черенки от граблей. И вообще, экстерьером Зимин больше всего напоминал журавля, умирающего от неурожая лягушек. За эту свою хилость Зимин не пользовался особым уважением сверстников, ценивших грубую физическую силу и наличие денежных активов.

Впрочем, сам Зимин сверстников тоже не уважал, считал их личностями примитивными, жалкими и ничтожными, достойными участи мелких воришек или мойщиков автомобильных стекол. Если бы уровень его жизненной энергии был высок, то Зимин наверняка стал бы с ними бороться посредством крысиного яда или толченого стекла. Но он был слишком ленив и равнодушен и бороться не стал. Со сверстниками он просто не общался. Он возвращался домой, запасался сухарями с сыром, колбасой, апельсиновым соком и шел мозолить клави. До шести часов вечера, потом приходил отец.

– Как дела? – спрашивал отец у Зимина.

– Нормально, – отвечал Зимин и всаживал ракету в очередного воина зла.

Отец еще стоял какое-то время на пороге комнаты, думая, что на это сказать.

Обычно он говорил:

– Слушай, а давай летом на рыбалку сгоняем? По северным рекам?

А иногда:

– Слушай, а давай ходим в кино? Мамку возьмем, кукурузу. В воскресенье, а?

– Конечно, – экранный Зимин вкалывал в предплечье восстановитель жизни. – Сгоняем.

Еще через час приходила мать. Она разогревала в микроволновке котлеты, смазывала их фирменной горчицей и

спрашивала Зими́на:

– Как дела?

– Нормально, – отвечал Зими́н.

– Кушать хочешь?

– Попозже, – говорил Зими́н.

По экрану, послушные повелению Зими́на, бегали маленькие фигурки солдат с небывалым лазерным оружием. Фигурки стреляли друг в друга и в шипастых чудовищ. Солдаты и чудовища падали на песок, погибали, и из-под них растекались темные лужицы. У солдат лужицы были красноватого оттенка, у чудовищ – зеленого.

Мама тоже задумчиво стояла в дверях, потом спрашивала:

– Свитер тебе понравился?

Это было ее страстью. Она покупала Зими́ну свитера, кофты, джемперы, толстовки, водолазки и пуловеры. Зими́н терпеть не мог всю эту продукцию, но всякой покупке радовался неподдельно, потому что, если он не радовался, мать обижалась, звала отца с отверткой, и Зими́н лишался компьютера на два дня.

– Конечно, ма, – говорил Зими́н. – Свитер супер, я давно такой хотел. Спасибо!

Мать была счастлива.

А еще она покупала Зими́ну мягкие игрушки.

Мишек Тедди, голубых дельфинов, глупого вида обезьян, нестрашных крокодилов. Зими́н подозревал, что игрушки эти любила сама мать, просто признаться стеснялась. Види-

мо, в детстве ей очень не хватало таких игрушек, но возможности их иметь у нее не было, и потому все свои юные годы мать совершенствовалась в изготовлении горчицы.

Теперь мать отыгрывалась на Зимине.

Зимин терпел. Он восхищался мягкими игрушками еще больше, чем свитерами, и ставил их на отдельную полку в своей комнате. Мать переставляла их в разном порядке каждый день и собирала с них пыль пылесосом. Этот процесс делал ее счастливой еще больше, жизнь продолжалась.

Жизнь продолжалась.

А потом возле гаражей по улице Промышленной Индустрии Зимин встретил недозащекоченного маньяком Ляжку.

И Ляжка зашипел:

– Зима, иди сюда! Иди, не пожалеешь!

Но Зимин пожалел.

Глава 4

Добро пожаловать в Сон!

Очнулся Зимин от неприятной жары. Совершенно непонятно почему палило солнце, оно сконцентрировалось на носе Зимина и, видимо, вознамерилось его, нос, напрочь испепелить. Зимин не стал открывать глаза, он простер руку и пощупал нос. Нос болел и, кажется, распух. Чуть ли не до размеров кулака.

Тогда Зимин взял и все-таки открыл глаза.

Высоко в небе ползло что-то треугольное, похожее на перекрашенный в черный цвет бомбардировщик «В-52». Зимин попробовал сфокусировать на нем зрение, но зрение не сфокусировалось.

Тогда Зимин сел. Вокруг была пустыня.

– Бадамс! – сказал Зимин с внезапным красноречием. – Пурген мне в глаз, если я не водолаз, Каракумы какие-то...

Справа зашуршало. Зимин с трудом повернул голову и обнаружил Ляжку.

Ляжка вошел в песок почти под прямым углом, глубоко, так что над поверхностью торчали ноги, да и то лишь по колено. Ноги подавали конвульсивные знаки. В голову Зимина пришла отличная идея – он стащил с Ляжки кеды и принялся беспощадно его щекотать. Ноги дернулись, и заскорузлая

желтая пятка пребольно ткнула Зимина в челюсть.

– Во, блин, Саид чертов, – ругнулся Зимин и принялся откапывать Ляжку.

Это оказалось нелегким делом – песок был мелким и сыпучим, Зимин откапывал, а песок засыпался на свое место. Ляжка появлялся на свет медленно и неохотно.

Когда Зимин откопал Ляжку до пояса, пятки перестали шевелиться и поникли.

– Ты мне еще сдохни тут, – Зимин схватил Ляжку за ноги, напрягся и с трудом вывернул его наружу.

Ляжка был без сознания. Зимин пнул его в бок, но Ляжка не прореагировал. Зимин принялся вспоминать, что надо делать в таких ситуациях, но ничего, кроме дыхания рот в рот, ему на ум не приходило. В подобных случаях герои кинофильмов кололи в сердце адреналин, били полупокойников электрошоком и кричали «не оставляй меня, сволочь». Адреналина со шприцем у Зимина не имелось, электрошока тоже.

– Не оставляй меня, сволочь! – нерешительно крикнул Зимин, но никакого эффекта на Ляжку это не произвело.

Оставалось искусственное дыхание.

Зимин плюнул.

– Не, барбос, – сказал он. – Целовать я тебя не буду. Сам себя целуй.

Но потом Зимин вспомнил мать Ляжки.

Мать Ляжки была несчастной женщиной, это было по ней

здорово видно. Ляжка же являлся ее единственной отрадой в жизни и опорой ее старости. Именно Ляжка должен был поднести ей кружку воды в последний момент и вызвать команду из крематория.

Однажды мать Ляжки выручила Зимина – на него напали незнакомые хулиганы из соседнего района, а мать Ляжки вызвала милицию. А прошлым летом, когда они уезжали в деревню, Зимин встретил мать Ляжки на вокзале. Она мыла полы в кассовом зале и в туалетах, Зимин кивнул ей, но она сделала вид, что его не узнала.

И вот, глядя на тело ее безжизненного сына, Зимин пожалел эту несчастную женщину, проникся состраданием к ее безрадостной судьбе и сказал:

– Ладно уж, хрен с вами, золотые рыбки.

Зимин огляделся, никого вокруг не было.

– Вот бы уж никогда не подумал...

Зимин опустил на колени, набрал в легкие побольше воздуха, еще раз плюнул, прижался к губам Ляжки и выдохнул. А потом для верности стукнул кулаком в область ляжкиного сердца.

На третий удар Ляжка зашевелился и попытался обнять Зимина.

– Ты чего, придурок! – Зимин отскочил. – Я не твоя сестра!

– Где я? – Ляжка выплюнул песок и сел. – Где?

– Добро пожаловать в сон. – Зимин плюнул, вытер губы

рукавом, затем плюнул еще раз.

– Это сон? – переспросил Ляжка.

– Да, баклан, это сон. Не самый приятный, правда...

Зимин поднялся на ноги и осмотрелся основательнее.

Пустыня простиралась и направо, и налево, и впереди тоже была пустыня. И пустыня эта наводила грусть. За спиной пустыни не было, там были горы, но не рядом, в нескольких километрах. Метрах в двухстах торчал накренившийся столб. Не простой столб, не телеграфный, а верстовой. Крашенный в черно-белую косую полоску. С поперечным куда-то указателем.

Совсем как в фильмах по книжкам Гоголя, подумал Зимин. Интересно...

– Ты чо, подсыпал мне что-нибудь? – перебил мысли Ляжка. – Или что...

– Это твой диск поганый подсыпал, – ответил Зимин. – Едва запустили, как бах – и тут!

– Возвращай меня назад, – сказал Ляжка. – Давай, давай, быстро! Быстро!

– Чего? – не понял Зимин.

– Давай назад, – Ляжка вскочил на ноги и принял грозный вид. – Давай, возвращай!

Зимин промолчал.

– Возвращай! – завизжал Ляжка. – Домой хочу!

Он подступил к Зимину, но Зимин предупредительно выставил вперед кулак.

– Не булькай, – сказал Зимин. – Я, между прочим, тебя спас. И вообще, все будет путем.

– Каким путем?! – запричитал Ляжка. – Мы неизвестно где, кругом пустыня... А вдруг мы в Ираке?

– Зря я тебя откопал, – разозлился Зимин. – Лучше бы ты сдох в песке, скарабеи бы тебя лучше сожрали. Мы в Стране Мечты, ясно? В «Месте Снов»!

– У тебя такие мечты?! У тебя такие сны?!

И Ляжка повел головой от края до края.

– Да, у меня такие, – сказал Зимин. – И вообще, заткнись. Видишь, столб? Надо туда идти.

– Почему туда?

– Почему? Это же ежу понятно почему. Куда еще-то?

– Я не пойду, – Ляжка сел на песок.

– Как хочешь, – Зимин хрустнул костями. – А я пойду.

И Зимин направился к столбу.

– Подожди! – Ляжка побежал за ним. – Я с тобой.

Вблизи столб выглядел не так киношно и игрушечно. Краска слезала черно-белыми лепестками, древесина потрескалась, и в ней явно гнездились короеды, табличка указывала куда-то в пустыню. На ней еще было что-то написано, но буквы практически стерлись, и прочитать Зимин ничего не смог. Разобрал только букву «W», а больше ничего не разобрал.

Тогда Зимин взял и постучал по столбу кулаком.

Ничего не произошло. Зимин постучал сильнее.

– Что ты делаешь? – спросил Ляжка.

– Думай логически. Если он тут торчит, значит, не просто. Если мы вывалились рядом со столбом, надо к нему подойти.

– А может, наоборот, надо от него идти? А может, он просто тут торчит?

– Просто ничего нигде не торчит, – поучительно сказал Зимин, – ты-то, Ляжка, должен это знать.

Зимин пнул столб ногой.

– Ну? – спросил Голос. – Чего надо?

– Я же говорил! – подмигнул Зимин Ляжке. – Этот столб неспроста тут!

Зимин пнул еще раз.

– Копыта не распускайте! – сварливо сказал Голос. – А то крупно пожалеете! Оба. Опять какие-то болваны...

– Где мы? – спросил Зимин.

– Да, где?! – высунулся из-за плеча Ляжка. – Мы хотим знать!

– Где-где, – сказал Голос. – В Караганде! Не видите, что ли? Что за тупые вопросы, честное слово! Опять идиотов каких-то прислали...

– Я еще раз спрашиваю: где мы? – спросил Зимин уже строже.

– Для особо тупых обезьян отвечаю, – Голос стал громче. – Вы, там, где вы хотели быть. То есть в Месте Снов. В Стране Мечты. В Земле Обетованной. В Зазеркалье. На Ост-

рове Грез. В Полях, Богатых Дичью. В Эльдорадо. В Городе Счастья. В Северных Садах Семирамиды. В Беловодье. В Шамбале. В Валгалле. В Чудном Краю. В Там, Где Нас Нет. В...

– Понятно, понятно, – перебил Зимин. – А сам-то ты кто?

Вокруг никого не было, так, один бессмысленный желтый песок. И Голос.

– Не бойтесь, я не глюк, – сказал Голос. – А вы не в Кремниевой Долине. Ты, тощий, чего вертишься как собака, все равно меня не увидишь, я рассредоточенный.

– Какой? – Зимин огляделся вокруг еще разок – так, на всякий случай.

– Рассредоточенный, полено! Клянусь Святым Январем! Что мне все время такие кретины-то попадаются! Хоть бы один толковый, а! А ты, жиртрест, чего зенками лупаешь, я не бутерброд.

– Где я? – грустно спросил Ляжка. – Где я?

Он пнул песок и всхлипнул.

– Ну, нет, это все! – произнес Голос. – Пускай меня скорей сосредоточат! Я больше не могу! Нет, не могу. Почему именно я? Почему именно я должен выслушивать эти бесконечные вопросы?! «Где я?», «Где я?» Где? Ты в своей мечте, пузан, вот ты где!

– Моя мечта совсем не такая, – промычал Ляжка. – Она другая...

– Конечно же, не такая, – хмыкнул Голос. – Ты хотел бы

оказаться в колбасном цехе. В бесплатной пончиковой. В пельменной. В шпротной. В блинной. Я уж не говорю про другие места, где ты мечтаешь оказаться. А это всего лишь Страна Мечты.

– Чего?

– Ты еще и глухой, – вздохнул Голос. – Везет мне... Пропылый придурок, когда узнал, куда попал, рыдал целый день. Или рыгал целый день?! Наверное, он делал и то и другое. Надеюсь, вы не будете...

– Значит, я в Игре? – спросил Зимин.

– Наконец-то он понял! – сказал Голос. – Наконец-то он осознал! Да, полено, ты в Игре! Ты хотел быть в игре – и ты в Игре! И этот тупорылый тоже. Вообще-то, он не должен тут быть, он случайно попал, прицепом. В нагрузку. Но он тоже в Игре!

– Ну, вот и отправьте меня назад! – обрадовался Ляжка. – Я вам поклон оттудова передам, чего я тут забыл? Песок один...

– Не могу отправить, – хихикнул Голос.

– Почему это?

– Я же говорю – вы теперь в Игре. В Игре с большой буквы! В лучшей Игре всех времен и народов! В мире, где сбываются все твои жалкие желания! Как ты попал сюда, не имеет значения, но пока ты не перейдешь на другой уровень, ты отсюда не выберешься.

– На какой еще уровень? – не понял Ляжка.

– Понятия не имею, – Голос продолжал хихикать. – Это не мои проблемы, это ваши проблемы. Сначала такие, как вы, рвутся сюда, просто раздраются, а как попадут, сразу начинают проситься домой. Прибегают и говорят – «я хочу домой», «отпустите меня домой», я говорю, пожалуйста, я говорю, сколько угодно, только перейди на другой уровень. Стань другим. Вырасти. А пока иди – Страна Мечты распахнула перед тобой свои золотые ворота, иди, самореализуйся.

– Домой хочу, – сказал Ляжка. – Я требую, чтобы...

– Без пены, круглый! – Голос повысил голос. – Перейдешь на другой уровень – приходи.

– На какой еще уровень?

– Я же тебе говорю, батон, не знаю. Я даже не знаю, что такое уровень. Но как перейдешь – смогу выполнить твоё жалкое желание. Например, отправить тебя домой. Как ЗР.

– Кто? – не понял Ляжка.

– Золотая Рыбка, – пояснил Зимин.

– Какой смысленный подвернулся... – скрипнул Голос. – А пока могу выполнить маленькое желание. Так сказать, презентационное. Чтобы почувствовали, что такое Страна Мечты! Дегустация – бесплатно.

– Любое? – заинтересовался Ляжка.

– Абсолютно, – заверил Голос. – Любое вещественное желание. То есть любой предмет.

– Это что, правда? – Ляжка облизнулся.

– Я тебе говорю, полено, загадай желание! – сказал Го-

лос. – Сразу узнаешь, правда или нет!

– Ну, хорошо, – Ляжка в задумчивости посмотрел в небо. – Хочу...

– А ну-ка, отойди, – Зимин оттолкнул Ляжку. – Ты тут вообще в нагрузку, это моя мечта. Значит, так...

Зимин закрыл глаза и попытался представить, что он хочет. Он представлял где-то минуту, а потом сказал:

– Хочу...

– Достаточно, – перебил Голос. – У тебя есть вкус, дурилка, тебя можно уважать. Этот с ляжками хотел заказать... даже говорить неприлично. Выполняю.

Что-то щелкнуло совсем над ухом Зимина, поднялся ветер, закрутился в вихрь, сгустился – и перед Зиминым возник мотоцикл. Настоящий немецкий мотоцикл. Цвета «металлик». Шестнадцать штук евро. Супер. Мечта детства.

Мотоцикл просел в песок, и на Зимина пахнуло бензином, маслом и новенькой резиной.

– Опа! – обрадовался Зимин. – Это уже лучше! Это пойдет! Мне тут начинает нравиться...

– А я что, не человек? – жалобно заканючил Ляжка. – Ему, значит, мотоцикл можно, а мне редиску в дышло?

– Ты балласт, – пояснил Зимин. – И вообще, ты сюда не хотел...

Зимин подскочил к мотоциклу, перекинул ногу через седло, схватился за руль, успел ощутить приятную ребристую поверхность ручки газа...

И ушел по колено в песок. И самым унижительным образом оказался на коленях. Ляжка в восторге засмеялся.

– Э, – сказал Зимин.

Никакого немецкого мотоцикла больше не было. Воздух. Зимин поднялся и принялся отряхиваться с глупым видом.

Голос довольно расхохотался. Он хохотал, взвизгивал и хлюпал от восторга, до тех пор, пока внутри (если у него было это внутри) не заскрежетали какие-то железки и не засвистели свистки.

– Ну, труба! – захрипел тогда Голос. – Это мое любимое... Ты выглядел на редкость тупо... Ты просто рекордсмен по глупости, парень! Если бы стали ставить памятник идиоту, его бы ваяли с тебя! Решил, что это правда?! Мотоцикл ему подавай! Щас! На всех вас никаких мотоциклов не напасешься! Каждому идиоту подавай мотоцикл! Или джип. Каждый второй хочет джип! Каждый третий хочет сплясать с Мэрилин Монро! Джип надо заслужить, уродцы...

– Замолчи! – закричал Ляжка. – Мне надоело. Я хочу выйти!

– Это легко, – произнес Голос. – Надо сказать «пиджачок с предподвыверподпредвертом»! Только с первого раза!

Ляжка набрал воздуха и попробовал:

– Пиджачок с пред... прод... подвывер... том...

– Неправильно! – счастливо сказал Голос, и в Ляжку тут же ударила злая синяя молнийка.

Ляжка ойкнул.

Голос снова обидно расхохотался. Зимин сел на песок, Ляжка демонстративно опустиллся рядом.

– Это вы зря, – сказал Голос уже зевающе и безразлично. – Сидеть вам сейчас совсем нельзя, сидеть у вас нет никакого, бон петит, времени. Напрягите свое зрение и взгляните в сторону северо-востока. Это за левым плечом этого жирляна.

Зимин взглянул за левое плечо Ляжки и увидел на горизонте пылевое облако. Ляжка тоже быстро обернулся.

– Пыль какая-то, – сказал он.

– Приближается со скоростью около шестидесяти километров в час, – уточнил Голос. – Это песчаные динго. Тебе знакомы песчаные динго?

– Да, – прошептал Зимин. – Знакомы... Это штуки из «Стальных Барханов»⁶, они выедают внутренности.

– Какие такие внутренности? – испугался Ляжка.

– Внутренние, – сказал Зимин.

– Бегите лучше, – невидимый Голос зевнул шире. – До скал ведь довольно далеко. Можете и не успеть...

– Это ведь все не по-настоящему, – сказал Ляжка. – Это иллюзия...

– Ну-ну, – зевнул Голос. – Тебе, батон, конечно, видней. Иллюзия так иллюзия. Я лично ухожу. Знаешь, я, конечно, должен тебе еще кое-что рассказать...

– Эй... – позвал Зимин. – Ты где?

⁶ «Стальные Барханы» – вымышленная компьютерная игра.

Ответа не последовало. Голос замолчал.

– Ты думаешь, это опасно? – спросил Ляжка. – Эта пыль?

Может, это самум?

Зимин взглянул в сторону облака. Облако приблизилось. Зимин пригляделся, и ему даже показалось, что он видит, как из клубов пыли высовываются железные морды песчаных динго.

– Это не самум, – Зимин сощурился. – Это песчаные псы...

И Зимин побежал.

– Эй, погоди, может, с ними можно договориться? – предложил Ляжка.

– Давай, договаривайся, – на бегу посоветовал Зимин. – Ты им понравишься.

Бежать оказалось тяжело, ноги проваливались в песок, дышать было еще хуже, легкие наполнялись песком и жаром. Но Зимин бежал и бежал, Ляжка поспевал за ним с трудом, скалы приближались очень медленно, почти стояли на месте. Сначала Зимин оглядывался, потом перестал. Силы улетучивались, Ляжка стонал.

– Я больше не могу, – причитал он. – Я умру...

– Все умрут, – говорил ему Зимин. – Ты ведь не думал жить вечно?

– Я слишком молод, чтобы умереть, – выл Ляжка.

– Все молоды, чтобы умереть, – отвечал Зимин.

Они бежали дальше, Зимину казалось, что они пробежали

уже километра четыре, на самом же деле одолели они всего восемьсот метров.

Когда Зимин упал, до скал было еще далеко. Ноги у Зимина разжижились, и он бухнулся в песок, ощущая за спиной рев и хруст несущегося прайда.

Ляжка пробежал мимо, витальная сила билась в нем сильнее, чем в Зимине. Зимин видел, как на круглой промокшей спине Ляжки прыгали лопатки.

Лопатки хотели жить.

Глава 5

Электрические блохи

– Что такое «соленое»?

– Как?

– «Соленое».

Зимин не ответил, пнул песок и продолжил ругаться.

Он шагал по песку и придумывал новые оскорбления, вроде «засописа» и «потного квакера». Ругал себя и свою глупость, Ляжку тоже ругал. Ляжка шагал рядом и молчал.

– Все-таки как-то не так! Не то что-то, – говорил Зимин. – Этого не бывает...

– Бывает, не бывает, – отвечал его странный спутник. – Сначала все не верят, потом все верят, потом снова не верят. Но это все правда настоящая. Вот ты же сюда хотел попасть всегда?

– Хотел...

– Вот и попал однажды. Все желания существ сбываются, эта самая главная правда мира. Чего желал – то получай. Раздва, я-то знаю.

– Тут все ненормальные, – шептал идущий за ними Ляжка. – Этот тоже. Мэд дог ин зэ файр ⁷...

Рядом с Зиминим шагал песчаный динго. У динго была

⁷ Mad dog in the fire (англ.) – бешеный пес в огне.

немного подбита нога, он отстал от прайда и воспользовался этим, чтобы поболтать с новыми людьми. Послушать новые слова. Динго был любопытен и внимателен, он слушал все, что говорил Зимин, и умно вращал глазами. Глаза у него были похожи на стрекозиные – состоящие из множества деталей, так что когда Зимин пробовал в них заглянуть, он видел тысячу маленьких Зиминых, заключенных в зеленые шестигранники.

Это было забавно, и Зимин забывал ругаться. Тогда динго моргал стальными веками, вежливо напоминая о том, что он слушает.

Иногда динго начинал говорить сам, и тогда слушал Зимин. Ляжке динго не нравился, он его опасался и старался держаться подальше. Впрочем, и Ляжка собаку не заинтересовал.

– Понимаешь, человек Зимин, – говорил песчаный динго. – Сначала нас придумывал один другой человек...

Динго звали КА82, это подтверждала серебряная пластина, вплавленная прямо в бок, – «Desert Dingo. Serial No КА82».

Зимин слушал. Ляжка вздыхал и, чтобы не расходовать энергию на борьбу с солнцем, стремился пристроиться в тень Зимину.

Песчаный динго рассказывал про то, как все устроено, и про то, как неустроено все. Вся его морда была покрыта страшными костяными пластинами, шипами и выступами,

некоторые шипы были оторочены железом, а некоторые – золотом. От такого количества металла на морде голос у песчаного пса получался какой-то железный и угрожающий, что очень веселило Зимина и пугало несчастного Ляжку. К тому же при каждом слове вся эта железная мощь шевелилась и полязгивала, что придавало словам песчаного пса серьезность и весомость.

Песчаный пес рассказывал:

– А потом мы попали к еще одному другому человеку, и он сделал нас электрическими. Он был необычным и резал себе локти, я так думаю, я его один раз видел. Он был странным и выдумывал странное. Зачем динго передвигаться под песком? Зачем? Когда можно легко бегать на поверхности! Зачем? А зачем мне вот это?

КА82 совершенно по-собачьи сел на песок, открыл пасть и выпустил в воздух оранжевую огненную струю. Ляжка испуганно отпрыгнул.

– Вот зачем? Скажи мне. Мне это не нравится, я не воздушный дракон. Это им такая возможность присуща.

КА82 скрежетнул пластинами, что, видимо, означало вздох, и продолжил:

– А наименование? Все говорят, что последний человек, который нас придумывал, должен был придумать каждому имя. И он уже начал придумывать имена. Он придумывал имена, но нас было много. Он придумывал день, придумывал ночь и еще один день. А потом с ним что-то случилось,

и он не смог больше ничего придумать. И многие остались безымянными. Я тоже. И получилось так, что у одних имя есть, а у других нету. И те, у кого имени нет, очень страдают. Чувствуют себя ненастоящими. Как я.

КА82 выпустил из лапы огромные стальные когти и философски зачерпнул песок.

– Ты можешь придумать имя? – спросил он.

Когда грохочущий прайд пролетел мимо, не обратив на Зимина и Ляжку никакого внимания, Зимин очень удивился и как-то даже обиделся. Песчаные динго, как он знал из игр, были совершенно безжалостными тварями, пять песчаных динго могли легко разорвать десантника в полном вооружении, а теперь вот они пролетели мимо, не удостоив Зимина даже понюха. Даже такая крупная дичь, как Ляжка, их не заинтересовала.

Остановился лишь КА82.

Он подошел к Зимину и спросил:

– Здравствуй, ты случайно не создатель?

– Не, – ответил Зимин. – Я сам по себе. Создатели мамонта в овраге доедают, а я так, мимо иду.

– Жаль, – сказал песчаный динго. – Мне нужен создатель. Или придумщик. Тот, кто может придумывать. А ты можешь придумывать?

– Я умею придумывать, – сказал Зимин. – Это я запросто, это сколько угодно.

– Это не так просто, как тебе кажется. Ты можешь пере-

оценивать свои силы. Ты умеешь придумывать имена?

– Само собой. А кому нужно имя?

– Мне, – сказал песчаный пес. – Мне нужно имя.

– Что тут сложного, – обрадовался Зимин. – Я тебе прямо сейчас имя придумаю. Спайк, к примеру. Или Айк. Как тебе?

Песчаный пес с сомнением поморщился.

– Хорошо, – согласился Зимин. – Тогда так, пусть будет Алекс Ричардсон-старший.

– Это ненастоящее имя, – сказал пес. – Оно чересчур придуманное. Мне надо, чтобы ты придумал мне настоящее.

– Какое?

– Настоящее. Пусть будет любое, только настоящее.

Зимин остановился и стал выгружать из ботинок песок. Свора песчаных динго окончательно скрылась вдали. Ляжка отстал на благоразумное расстояние и делал вид, что он ни при чем.

– Я же говорю, это нелегко – придумать имя, – сказал динго. – Это немногие могут.

– Почему?

Песчаный динго не ответил. Они двинулись в направлении гор, Зимин ругался, пес все больше молчал, иногда спрашивал, что значит то или иное слово.

Зимин объяснял. КА82 слушал. Горы постепенно приближались.

– И внешность мне эта совсем не нравится, – неожиданно

пожаловался динго. – И тяжело, и жарко. Я знаю, что тяжело и жарко, но не чувствую этого. Зачем броня? У нас и врагов-то тут нет. Мертвяки по пустыне редко ходят, десантников я вообще никогда не видел. Не видел. Даже рейнджеров не видел, хотя они тут есть, некоторые их встречали.

КА82 остановился и стал нюхать воздух. Вернее, он просто задрал морду вверх и стоял некоторое время.

Потом сказал:

– Послушай, Зимин, я хочу тебя попросить.

– Валяй.

– Давай, Зимин, почеси мне вот тут. В боку. У меня там грязь между пластин налипла. Чешется. Это так называется?

– Так.

КА82 подставил Зимину страшный шипастый бок.

– Осторожно, – предостерег Ляжка. – Вдруг прыгнет?

– Я тебе сейчас ногти отстегну, – в лапе динго что-то щелкнуло, и на песок упала страшная стальная пятерня. – Чеси.

– Ах, почесите мне под хвостом, а то я совсем не усну, – иронично прошипел Ляжка, но Зимин не обратил на это никакого внимания, песчаный пес тоже.

Зимин поднял когти и принялся чесать подставленный бок, КА82 довольно заурчал и задергал задней лапой.

– Рефлексы, – пояснил КА82. – Спасибо, мне было очень приятно. Я вас до земли провожу, дальше вы сами идите. Своим путем. Там интересно. Мы туда не ходим.

– Рефлексы у него... А блох у него электрических нет? – все так же прошептал Ляжка. – А то на нас пересадит, я не могу жить с электрическими блохами...

– Заткни фонтан, – посоветовал Зимин. – Мусору разного навалится.

И направился к горе. Ляжка двинулся за ним. Песчаный динго шагал последним.

Потом КА82 остановился и выдвинул из спины высокий блестящий гребень.

– Поглощаю энергию, – пояснил он. – Пополняю запасы. Я всегда так делаю.

– Ка, а ты давно здесь паришься? – спросил Зимин. – Ну, в пустыне?

– Давно. Все время.

– И никуда больше не хочется?

– Не могу сказать, – КА82 спрятал гребень. – Тут хорошо. Только с компанией друзей плохо, они все беспокойные. Все носятся. Десантников ищут, а десантников тут нет. Но я тоже за ними сейчас побегу, я с вами не пойду, у меня другой путь.

– Ладно, Ка. Мне по барабану. Так, говоришь, Мир Мечты там?

– Иногда хочется чего-то... – Песчаный динго опять посмотрел в небо, а потом в песок. – Вы тут осторожнее. Много таких, как вы, бегут все. Разные бывают. Всякие бывают тут. Только слов никто делать не умеет, придумщиков мало. Редко встречаются. Я подхожу, а они в меня топором. Зачем?

Не понимаю.

Зимин не знал, что ответить.

– А я животных никогда не любил, – сказал вдруг Ляжка.

– Животные глупые и поедают друг друга, – вздохнул КА82. – Я не животное. Я динамическое существо. Смотрите.

Пес выгнул голову и раздвинул шейные пластины. Внутри песчаного динго пролегали гибкие стальные суставы и вспыхивали маленькие молнии.

– А... В моей тушке электрические ветры, да, – сказал Зимин. – Красиво.

– Я всегда хотел японскую робособаку, – сказал Ляжка. – Или даже двух.

Динго собрался и приобрел обычный вид.

Больше они не знали, о чем им разговаривать, и до самой земли молчали. На прощание песчаный пес подал Зимину лапу и указал направление, в котором надо было идти. После чего шагнул в пустыню, затрясся, превратившись в размытое серое пятно, и провалился в песок.

– Придурок, – сказал Ляжка. – Всегда таких не любил. Слушай, нам что, всегда будут такие встречаться?

– Ага. Ты чего, в «Поцелуй Ножа»⁸ не играл, что ли?

– Это где мурена с треугольным кортиком бегает?

– Ну.

– Играл, только не до конца. Я до кота дошел, как она

⁸ «Поцелуй Ножа» – вымышленная компьютерная игра.

стала коту башку отпиливать, так и бросил.

– Там дальше еще интереснее...

– Да ладно, видел я, – отмахнулся Ляжка. – Девчонка там тощая и с синяками под глазами, тебе такие нравятся. Тебе нравятся худые девчонки с костистыми коленками...

– А тебе жирные, да? И корма чтобы с ушами, да?

Ляжка не ответил, а только покраснел. Зимин развил успех.

– Я знаю, тебе ведь Рулетова нравится, – сказал Зимин. – Тебе нравится Большая Рулетова – девушка, выращенная на гречишных блинах с салом. О, Рулетова! Когда Рулетова ложится в ванну, туда входит лишь кружка воды. А если вы вместе залезете в ванну, то пол провалится, и вы рухнете вниз, на профессора Колумбарова...

– Заткнись, – сказал Ляжка.

– Да ты просто тащишься от Рулетовой, ты ее боготворишь! Я думаю, у тебя дома даже есть идол Рулетовой...

Ляжка сжал кулаки и подступил к Зимину.

– О! – восхитился Зимин. – Рыцарь желает защитить даму сердца! Рулетова это бы оценила! Она обвила бы тебя своими...

– Мне не нравится Большая Рулетова! – завопил Ляжка. – Я не люблю Рулетову! Ты, дистрофан поганый!

И Ляжка кинулся на Зимина. Весовые категории были разные, и Зимин предпочел для начала измотать противника бегом. Он рванул вдоль камней, и через триста метров Ляж-

ка выдохся. Тогда Зимин вернулся и продолжил:

– Я, конечно, понимаю, подобное тянется к подобному...

Но в этот раз Ляжка не ответил – из-за усталости, а может, с ним просто приключился приступ благоразумия. Он сказал:

– Что мы дальше-то делать будем? Надо отсюда сваливать. Этот сказал, тут какие-то мертвяки...

– Мертвяки – это худо, – поправил Зимин. – Они могут исказить пространство...

– А Белоснежки тут нет случайно?

– Идем к камням, там будет тебе и Белоснежка. И семь гномов с отбойными молотками.

Они двинулись к камням, Зимин первым, Ляжка за ним. Зимин думал, нет ли у Ляжки случайно ножика, такой может запросто с ножиком ходить. Еще полоснет поперек горла. Или воткнет в спину с несовместимыми с жизнью последствиями.

Ляжка измучился и, чтобы развеять тяжелые мысли, думал о приятном. Камни оказались похожи на пемзу, и Ляжка прикидывал, сколько брусков для стачивания ножных мозолей можно выточить из этих скал и как их можно продать в Японию – там любят такие штуки – и сделать бабки, чтобы потом жить долго и счастливо. Ляжка представлял Японию, рис, самураев, борцов сумо, и невольно в мыслях Ляжки возникала Большая Рулетова, хотя он и на самом деле ее терпеть не мог.

Камни были полезные, только вот перемещаться по ним оказалось тяжело. Зимин прыгал по пористым валунам и уже ощущал сильную жажду и даже голод. Они уходили от пустыни, и чем дальше было от песка, тем становилось прохладнее. Кое-где между камней блестели мелкие лужицы и торчали морщинистые сталактиты.

Ляжка тоже проголодался и от душевной скученности и для того, чтобы поднять себе настроение, принялся поносить КА82:

– Тоже мне собака Баскервилей, – бранился Ляжка. – Щенок сопливый! Харя электрическая! Почеси мне спинку, я устал без ласки! Ножку подвернул, лажак беспросветный! Живодеров тут явно не хватает...

Зимин попытался было с ним заговорить, но Ляжка не реагировал на голос разума и продолжал ругаться. Видимо, это доставляло ему независимое удовольствие и не нужен был слушатель.

– Я таких топил в детстве! Имя ему подавай, тоже мне, швейная машинка ходячая! Я, может, тоже грущу о чем-то! А мне все равно все по морде. В пятачину все подряд...

Впрочем, скоро Ляжке надоело ругаться, и он замолчал, только натужно пыхтел.

И скоро камни кончились совсем. Причем кончились как-то сразу – вот камни, камни, камни, прыгать по ним тяжело – и раз, пошел лесок, кусты, запахло водой и зеленью, идти тоже тяжело, но приятно. Зимин ускорился. Он окунулся в

заросли, кажется, орешника, но через минуту орешник тоже кончился, и Зимин выскочил к роднику.

Ляжка, стаяя, продираясь за ним.

Родник был выполнен в виде головы дракона, вода вытекала прямо из языкастой пасти и падала в чашу, сильно напоминавшую череп. Вокруг валялись вросшие в мох обломки статуй воинов и красавиц с серьезными лицами и длинными волосами. Больше всего это напоминало парк Дрезденской галереи после американской бомбежки, там тоже были статуи, Зимин видел по телеку.

– Страна Мечты похожа на старую помойку, – сказал Ляжка. – Этого и следовало ожидать.

– Ладно, – ответил Зимин. – Посмотрим...

Зимин повертел головой и обнаружил, что весь обозримый мрачный сосняк завален подобной архитектурой, и выглядит это зловеще и древнегречески. Кладбище памятников.

– Мне тут не нравится, – сказал Ляжка. – Тут тревожно...

– Тебе нигде не нравится. Если только в этом месте нет Рулетовой...

– Урод ты, – Ляжка плюнул. – Урод по жизни...

Зимин присел на чью-то мощную античную ногу, наклонился к чаше и, подавив в себе человеческую гордость, стал лакать.

– Тебе идет, – заметил Ляжка и встал в очередь к воде.

Вода была холодная и вкусная, похожая на дорогую гру-

зинскую минералку, от которой можно прожить сто лет. Зимин пил и пил, пил до тех пор, пока сверху ему в шею не уперлось что-то острое.

Зимин попробовал поднять голову, но острое уперлось сильнее.

– Ну что, обезьяны, попались! – сказал кто-то торжествующе. – Два дня на вас угробил! Получи за это!

После чего Зимина сильно стукнули по голове.

Глава 6

Всадник П.

Зимин очнулся и обнаружил, что его тащат по земле. Ноги были привязаны к большой еловой ветке, а ветка на длинной веревке волоклась за черной лошадыю. На лошади задом наперед сидел накачанный парень лет четырнадцати, в панцире, с мечом за спиной и вообще в рыцарской амуниции. Парень прилебывал из глиняной бутылки, откусывал от целого каравая и что-то мычал. Зимину показалось, что он поет что-то вроде «Королевы бензоболонки» или «Сердце красавиц», разобрать было трудно. Видимо, он был не чужд элементов духовной культуры.

Парень пел, размахивал караваем и бутылкой – явно пребывал в радужном настроении. Зимину же было не очень весело – его голова то и дело стучалась о дорожные камни, отчего в глазах вспыхивали легкомысленные звездочки. Зимин хотел было крикнуть всаднику, чтобы он остановился и немедленно его отпустил, но тут Зимин увидел Ляжку и окрикивать всадника передумал.

Ляжка весело шагал рядом с Зиминим. На шее у него болталась грубоплетеная веревка, а в руке тоже был хлеб. Ляжка жевал. И чтобы принимать пищу более равномерно, забежал вперед и ждал, пока лошадь не натянет петлю. В проме-

жутках он успевал откусывать от горбушки большие куски и быстро их прожевывать. Выглядел Ляжка счастливо, это совсем не понравилось Зимину. Он собрался было сказать Ляжке, что тот свинья и что лишь такая же свинья, как Рулетова, способна, но стукнулся головой о камень.

Второй раз очнулся Зимин от того, что на него лили воду. Он открыл глаз и обнаружил над собой Ляжку. Ляжка лил на Зиминову воду из серебряного кофейника и периодически к этому же кофейнику прикладывался, клацая зубами. На шее у Ляжки все еще была веревка.

Зимин попробовал встать, но обнаружил, что и руки и ноги его стянуты прочными кожаными ремешками, а на шее болтается заусенистый чугунный ошейник. Затем в поле его зрения вошел тот самый всадник, только без хлеба и бутылки.

– Проснись, несчастный, – сказал всадник. – Открой глаза, взгляни на мир суровым взором.

И продекламировал:

О, Незнакомка, о Прекрасная Елена,
Не встретить тебя, и я бы в жизни смог
Еще на что-нибудь когда-нибудь сгодиться.
Теперь же жизнь моя, увы, всего лишь пена...
Хочу! Хочу! Хочу! Хочу щипать тебя за ягодицы!

Зимин открыл второй глаз и взглянул на мир биноклярно.

Они находились на небольшой лесной полянке. На полянке горел костер, над костром парил котелок, а метрах в двадцати пасся тот самый черный конь.

– Ты, как я погляжу, доход, – всадник бессовестно пощупал у Зимина бицепс и ткнул его железным пальцем в живот. – И силою ты не отмечен тоже. Это пло и это зло. Но ничего, у тебя еще есть шанс спастись. Уверуй, пока не поздно.

Всадник прижал руку к сердцу, там, где, наваренные серебряной вязью на броню нагрудника, красовались две латинские буквы – «L» и «R».

– Уверуй, свинопис, – сказал всадник. – И я ограничусь ножными кандалами. Бери пример со своего друга.

Всадник дернул за веревку, и Ляжка подхалимски улыбнулся.

– Ты доход, – всадник снова ткнул Зимина. – А твой дружок жиртрест. Вы никуда не годитесь. Хотя из вас бы вышла отличная пара. Дон Кихот и Сашка Панцирь.

Всадник дернул за веревку два раза. Ляжка подхалимски расхохотался.

– «L» и «R» – это что, «лево-право»? – спросил Зимин.

– Молчи, свинопис! – Всадник выпрямился и принял достойную позу. – Молчи, покуда не проткнул тебя копьём на вылет! Перед тобой сэръ Персиваль Безжалостный, рыцарь ордена Алмазной Твердыни, носитель Клинка Апокалипсиса третьей степени с Золотыми Дубовыми Листьями, кавалер Золотого Локона! Покорись!

– Что за тупое имя? – спросил Зимин. – Никогда не встречал никаких Персивалей, да еще с золотыми локонами...

Всадник отобрал у Ляжки кофейник и пребольно стукнул им Зимина по голове. Удовлетворившись этим, сказал уже более миролюбиво:

– Ты еще юн и питаешься отрыжкой, поэтому ничего не понимаешь. Это не тупое имя, это имя славное, имя великого героя и борца. Но поскольку ты сер и ничтожен, как барсучьи какашки, я, так и быть, тебе расскажу и открою твои нелепые глаза в этот прекрасный мир. Ты – неофит. То есть салабон и ничтожный хрюндель, ты собачьи слюни, текущие при виде мозговой кости, плавающей в огненном борще! Ты перхоть мира, осыпающаяся с уставших от времени небес, ты жалкая бородавка бытия...

На бородавке бытия всадник Персиваль остановился, задумался в восхищении от себя и продолжил уже более почеловечески:

– Я вас захватил в плен, и отныне вы будете моими верными вассалами. Что такое вассал – понятно? Это если на моем пути вдруг встретится трясина, вы должны броситься в нее, чтобы дать дорогу мне и моему коню! Это очень почетно, и я думаю, что вы будете добрыми вассалами!

Зимин сделал скептическое лицо.

– Будете, будете, – уверил Персиваль. – Я вот тебя, хилоид, тут на ночь оставляю, так ты сразу одумаешься. И будешь моим вассалом и денщиком. Будешь готовить еду, ру-

бить дрова, петь мне хвалебные гимны, молоть кофе в персональной кофемолке. Кофемолке с большой буквы. Это называется ленные отношения...

– Засунь свои ленные отношения себе в надпочечники, – посоветовал Зимин. – Или даже в аппендикс...

– Не забывай называть меня «сэр», – сказал Персиваль. – Сэр Персиваль. Надо говорить: «Засунь себе свои ленные отношения в аппендикс, сэр Персиваль». Понятно? Если же твой слабый ум не в силах удержать в себе свет этого великого имени, можешь называть меня моим коротким благородным именем – «благородный всадник П.». Это тоже звучит.

– Пошел-ка ты в Нансельбукен, – сказал осторожно Зимин. – Сэр Пэ.

Персиваль мелко засмеялся, приблизился к Зимину, забрал его нос двумя пальцами и сделал «сливу».

– А-а-а! – закричал Зимин. – Ты что вытворяешь?!!

Из глаз Зимина брызнули слезы. Он попытался эти слезы вытереть, но руки были связаны, не получилось. Ляжка ликовал.

– И простер он десницу свою и сплющил хлебальник его, – продекламировал Персиваль. – И испещрил его письменами своими, и на челе его высек рунами огненными: «Се раб»...

И всадник Персиваль сделал Зимину «сливу» еще раз.

– У-у-у! – завизжал Зимин. – Хватит!

– Понял ли ты меня, жалкий гоблин, душа перепончатая? – спросил рыцарь Персиваль. – Это хорошо. Твой друг

оказался гораздо смысленей. Ты пойми, свинорылый, я против тебя лично ничего не имею, ты мне даже чем-то симпатичен... Мой прошлый денщик удрал, понимаешь, хотя я к нему был добр, как родная мать Тереза Калькуттская. Неблагодарный, я спас его от вампиров... Они, между прочим, у него хотели выпить всю кровь до последней жалкой молекулы... Ну да пусть с ним, пусть идет своим путем и пусть путь его не пересекается с моим путем, потому что если его путь пересечется с моим путем, его путь пресечется незамедлительно. Ух!

Всадник П. выдохнул. Затем продолжил:

– А без денщика мне никак нельзя, положение не позволяет. Никак. Поэтому начнем с малого – я сейчас тебя освобожу... Не совсем, не совсем, не думай, не обольщайся, только руки и ноги. А цепь на шее мы оставим, так, для порядка...

И Всадник П. с ловкостью опытного работорговца освободил Зимина.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал он, – давай теперь, свари мне кофя. И поскорее. А твой упитанный друг пусть обдумает меня опахалом, это мне пристало. А я пока поразмыслю и, может быть, сочиню балладу про героизм и про подвиги...

Всадник Персиваль подозвал коня, снял седельные сумки и извлек из них гамак, лиру, огромную кофемолку и кожаный мешок. После чего он прицепил к ошейнику Зимина цепь, а цепь к дереву, в результате чего Зимин оказался прикован к толстой сосне. Ляжку он привязывать не стал.

Затем Персиваль сунул в руки Зимина кофемолку, а в ноги мешок и сказал:

– Мели кофе, раб. А то пожалеешь, что твоя мать однажды познакомилась с твоим отцом. Если они, конечно, не были братом и сестрой. Мели, сопротивление бесполезно. А ты иди, сломай ветку, да побыстрее.

Персиваль развесил между двумя соснами гамак, возлег в него и стал бряцать на лире и задумчиво петь:

Ужель, ужель в сей славный день
Я не пронзю врага,
Не упадет в зеркало тень
Не сбудется судьба!

Когда б рука была тверда,
Как сталь,
Взошел, взошел бы я тогда
На пьедестал!

Конь захрапел и отошел, Зимин насыпал в мельницу зерен и принялся вращать ручку. Ручка вращалась тяжело, Зимин скоро почувствовал усталость в плечах и подумал, что рабы на кофейных плантациях, наверно, постоянно испытывают боль в передних дельтоидах, от этого они регулярно бунтуют или медленно спиваются.

Ляжка стоял над Персивалем с веткой и махал.

– Труд освобождает, – говорил рыцарь. – Это верно под-

метили еще древние тевтонцы. В какой-то мере это правда. Особенно здесь. Работай – и станешь свободен, как тушканчик из прерий. А то и рыцарем еще станешь. Героем. Поедешь в мертвый лес, где не поют птицы, где в ручьях застыла вода... И там, в центре остановившегося леса, в замке из серых камней, будет ждать тебя этот... Король-Рыболов...

Зимин ворочал ручку. Кофе получалось почему-то мало, казалось, что кофейные зерна просто исчезают в кофемольных глубинах, да что там говорить, кофе не получался вообще. Зимин сыпал и сыпал в жернова коричневые семена, в воздухе распространялся запах арабики, но никакого порошка так и не выходило.

– Крути, крути, – советовал из гамака Всадник П. – И укрепишь тем свои неумелые руки. К тому же нам предстоит долгая дорога в Светлозерье, я должен взбодриться кофейным напитком, вы же сможете отведать питательной гуши. Умный человек ускорит ее добывание.

И Всадник П. извлек из лиры крайне негармоничную гамму.

– Теперь надо придумать вам имена. – Всадник П. отложил лиру. – Это не так просто, как кажется...

– У меня есть имя, – сказал было Зимин, но рыцарь его не слушал.

Он сунул руку за пазуху и извлек на свет растрепанную толстую книжицу.

– Имя – великая вещь, и тут нельзя ошибиться, – изрек

Всадник П. – Рыцарского Имени вы недостойны в силу своей подлой субстанции и неизвестного происхождения, а также в силу отсутствия заслуг, вам надо что-то попроще...

Персиваль принялся листать свой фолиант и листал его довольно долго, хмыкал и слюнявил пальцы. Наконец он остановился и сказал неудовлетворенно:

– И простых имен вы тоже, впрочем, недостойны... Простое достойное имя – оно ведь тоже имеет в себе элемент благородства... А в вас я его не вижу. А ну-ка встаньте-ка!

Зимин и Ляжка вытянулись перед гамаком.

– Да, – протянул Персиваль. – Да... Прогнило что-то в гадском королевстве, закваска стухла и спалилась на компост... Тебя длинный, я, пожалуй... Пожалуй, я назову тебя все-таки Доход. Да, это имя тебе идет. А ты, мой пухлый друг, ты будешь... Ты будешь... Ну да, конечно, ты будешь Ляжка. Тебе это имя тоже очень идет, очень. Отлично! Доход и Ляжка! Работать!

Зимин хотел было послать Всадника П. и его книгу подальше и сказать, что они еще посмотрят в итоге, кто здесь Доход, а кто благородный Персиваль Рыцарь Двух Локонов и одной Алмазной Твердыни, но, вспомнив искусство Персиваля в поставлении «слив», передумал.

– Чего ты там копаешься, Доход? – торопил Персиваль. – Желудок сводит спазмом.

– Чего-чего, зерна сыплю, а ничего не выходит!

– Сразу видно, что ты из подлых, – констатировал Перси-

валь. – Не обучен обращаться с предметами. Кофемолка – это тебе не табуретка, это механизм, она подхода требует! Смотри, дерёвня!

Персиваль вывалился из гамака, подошел к Зимину, отобрал кофемолку и хряпнул ее о землю.

– Ты чо, корявая! – заорал Всадник П. и начал угрожающе ходить вокруг ящика с ручкой. – Ты чо пучишь?! Те чо, в тот раз мало было? Ну так получи!

И Персиваль принялся пинать кофемолку своими сафьяновыми сапожками злобно и страшно. Зимину даже показалось, что кофемолка издала жалобный звук. Но усилия Персиваля возымели действие – кофемолка выставила сбоку ящик, доверху наполненный коричневым порошком.

– Эльфийская вещица, – пояснил Персиваль. – Надо держать в узде, а то она думает, что имеет право на всякие пакости. Думает, может меня кидануть. Да я сам могу кидануть! Кого хочешь, когда хочешь и как хочешь могу кидануть! Давай, вари кофе, зараза! А ты, Ляжка, позабавь меня веселым рассказом. Чтобы сердце встрепенулось.

Зимин поднял из травы кофейник, насыпал горсть кофе и залил водой.

– Идиот, – сказал Персиваль. – Сначала воду кипятят, а потом кладут кофе. Ничего не умеешь. Ладно, вари так, жрать охота. А ты, бугай, давай, рассказывай.

– А чего рассказывать-то? – не понял Ляжка.

– Балладу мне расскажи или шванку⁹ какую. Для лучшего пищеварения. У тебя лицо человека, который может рассказать пищеварительную балладу. А не будешь балладу, я тебе в клюв. Понял?

– Понял, – понял Ляжка. – Баллада. Я расскажу вам очень добрую, светлую балладу про то, как один мальчик пошел в общественную...

– Это интересно, – отметил Всадник П. – Давай...

Ляжка стал рассказывать балладу, Зимин сунул кофейник в костер, обложил его хворостом и приготовил мутную коричневую бурду, по вкусу напоминавшую настой на сосновой коре – бабушка Зимина лечила таким рожу и опоясывающий лишай. Всадник П. попробовал и сказал, что в мире предела совершенству нет, после чего вылил большую часть напитка Зимину на голову. Затем он достал из сумки круглый сыр с прожилками плесени и съел половину. Зимин и Ляжка получили себе вкусную и питательную корку, которую поделили пополам.

Зимин сначала этой коркой неосмотрительно пренебрег и отбросил ее в сторону, но с ближайшей сосны на корку сразу же прыгнул огромный бессовестный бурундук. Так что Зимину пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы корку отбить. Бороться за корку на привязи было нелегко, но Зимин справился. После чего употребил корку с большим аппетитом. Она была ничего, эта корка, чуть жестковата, правда.

⁹ Шванк (нем.) – короткая веселая сказка.

Кофейная гуща тоже оказалась вполне сносной, правда, была тоже чуть жестковата, но это уже мелочи.

– Смерд же, довольствуйся малым, – сказал на это Всадник П. – Ибо ложкой роешь себе могилу в глубины земные. Смирять свою плоть и борись с пороком, ибо лишь благодетельный муж сможет пройти по светлому пути познания и попасть в Валгаллу израненным мечами и копьями...

– Перец страдает словесным поносом, – шепнул Ляжка Зимину. – Остановиться просто не может... Мне кажется, Перец идет ему больше, чем Персиваль. До Персиваля ему колдобить и колдобить...

Зимин согласно кивнул.

Позавтракав, они отправились в путь и оставили лес со статуями позади, вместо него начался новый лес, обычный, такой можно встретить везде. Всадник П. трясся на коне, имя которого было выговорить чрезвычайно трудно. Иггдрасиль или что-то в этом духе, будто зубы стучатся. Персиваль называл его сокращенно – Игги.

– Иггдрасиль – суть мировое древо, кажется, яшень, впрочем, может быть, и бук, знаете, из бука получается отличный шпон... Ну да ладно. Непосвященные склизкие умы думают, что это имя женское, в то время как Иггдрасиль – благороднейшее из растений, связующих небо и землю... – с удовольствием объяснял Всадник П.

Зимин думал, что он вообще склонен все объяснять, видимо, в детстве на него упала полка с Большой Советской

Энциклопедией. А может, на маму его упала, еще во время беременности.

Так вот, Всадник П. ехал на Иггдрасиле, а Зимин шагал рядом, держась за стремя. Ляжка шагал по другую сторону и тоже держался за стремя. Персиваль их не стал снова спутывать и даже снял ошейники, но предупредил, что бежать не стоит, поскольку: во-первых, он отлично стреляет из арбалета, во-вторых, в лесу полно голодных вампиров и их приспешников, в-третьих, недалеко отсюда его ждут друзья, вооруженные по последнему слову рыцарской техники. И очень не любящие беглецов. А вообще...

– А вообще, тут надо держать уши по ветру, – говорил Всадник П. – И если вы плохо подготовлены, то лучше вам поискать покровителей. Тот, кто слаб, не должен идти, особенно если в нем нет духа, это может подтвердить даже неразумный конь...

Игги благородно прядал ушами и вертел хвостом, норовя при этом плеснуть им то Зимина, то Ляжку.

– Рыцарь должен быть щедр, но непреклонен, – поучал Всадник П., – а между тем наши запасы подходят к концу, в то время как энергетические резервы надо пополнять регулярно. В нескольких лигах¹⁰ отсюда живут эти недостойные, я заметил их пуэбло по пути сюда, у них всегда можно поживиться, все равно у них кризис перепроизводства...

Лес постепенно менялся. Деревья становились выше, тол-

¹⁰ Лига – римская мера длины, около 1,8 км.

ще и реже, их кроны зеленели уже где-то в высоте, и Зимину казалось, что едут они не по лесу, а по нагромождению белых колонн. А все потому, что деревья были белые, как зимнее небо. Зимин стал вспоминать, что это за деревья, и вспомнил, что их называют секвойями.

– И вот я вооружился копьем, на которое эльфы наложили сорок сороков заклинаний, а лезвие его было закалено в жерле вулкана, а остужено в крови молодого колдопера. И я отправился в эту землю в одиночку, поскольку если бы я взял с собой вассалов, то сказали бы, что я сражался с ним в кругу с соратниками, а рыцарю сие недостойно, почета мало...

Всадник П. рассказывал, и непонятно было, кому он это рассказывает, себе в пятидесятый раз или Зимину с Ляжкой в первый, рассказывал про то, как он справился с устрашающим Вормским Червем, похитителем рыжих девственниц и грозой земли Сидон.

– К тому же этот ползучий скот отказался соблюдать заключенный ранее конкордат. Ну, в результате я велел своим рабам изготовить из шкуры его огромную попону, которой можно было накрыть целое футбольное поле вместе с футболистами и даже их семьями. Эта попона висит на стене в моем замке, между прочим.

– Эй, Персиваль... – позвал Зимин.

– Называй меня лучше Мастер, – поправил Всадник П. – Можно Мастак, но Мастер мне нравится больше. И прежде чем обратиться, говори следующее: можно ли к тебе обра-

титься, Мастер? Да, Мастер мне, пожалуй, больше даже нравится, чем сэр. Называй меня Мастер. Первый раз я тебя прощаю, но потом буду учить плеткой. А плетку связали мои рабы из усов того самого червя, вот, можешь взглянуть...

Всадник П. продемонстрировал Зимину плетку, сплетенную из похожих на стальные жилы хвостов.

– Этой плеткой я могу перебить позвоночник медведю, – сказал Персиваль. – Это круче, чем булат. Я забил ею двух рапторов, они кинулись на меня из засады.

– Кого?

Всадник П. вытянул Зимина плеткой, и это было больно, драконьи усы ожгли ему ухо. Ляжка злорадно захихикал.

Прибью эту гадину, подумал про себя Зимин. Как только руки освобожу, так сразу и прибью. В смысле, Персиваль. Заставлю его сожрать свою кофемолку вместе с плеткой. Хотя он вон какой здоровый, разъелся тут... Но все равно прибью. Прибью. Прибью. Прибью. Перец чертов!

Мысли Зимина были просты и особой плотностью не отличались, Зимин слишком вымотался, проголодался и хотел спать, подробный план расправы с мускулистым Персивалем он решил разработать завтра, с утра.

У Ляжки мыслей вообще не было.

– Это тебе урок, вассал, – назидательно сказал Всадник П. – Помни, кто я, Доход.

– Я вот всегда это помнил, Мастер, – пискнул Ляжка. – И всем об этом говорил.

– Можно ли спросить тебя, Мастер, кого ты забил этой чудесной плеткой? – исправился Зимин.

– Рапторов. О, это скверные твари, они обитают тут повсеместно. Это такие зеленые динозавры, маленькие, но ужасно свирепые... Кто их только выдумал?

Зимин отвернулся и поморщился. Года два назад он серьезно увлекался юрскими стрелялками. Любил бродить по влажным доисторическим саваннам и темным лесам, лупить из слобойного штуцера по тираннозаврусам рексам, ну и по всякой мелочи вроде рапторов. Тираннозавра штуцер заваливал примерно с пяти выстрелов, у раптора штуцер красиво отламывал голову, по рапторам стрелять Зимину нравилось больше всего. Впрочем, динозавры, судя по всему, не давали покоя не только ему.

Не хватало только тираннозавра встретить, подумал Зимин. А то и чего похуже.

– Раньше тут и тираннозавры водились, – будто прочитал его мысли Перец. – Потом, правда, повыбили их, я вот жалко что не успел. Мой добрый сосед, рыцарь Эфиальт из домена Повезло, добыл себе одного в честном бою и поместил голову у себя в пиршественной. Красиво... Так что больших дино перебили, а мелочь всякая, типа рапторов, осталась. Ничего, прижились, размножились. Нападают на стада, воруют овец... Да тут вообще полно всякой дряни...

Справа, в глубине леса, пронзительно закричало, и Перец отстегнул арбалет и положил его поперек седла.

– Не бойтесь, вассалы, – сказал Перец. – Дрожать и трястись – это и значит быть рабом. Это и отличает благородного мужа ши от подлых людишек ся. Скорее всего, это вампир, они так мерзко кричат, когда голодны. Тут их тоже много.

– Вампир, мастер? – испугался Ляжка.

– Тебя это удивляет? – хмыкнул Перец. – Ты считаешь, что мало кретинов, которые любят вампиров? Которые готовы воплощать их направо и налево? Вампиров выдумывают просто пачками, причем всяких! Челюсти тут, челюсти там, челюсти сбоку, челюсти на... на пятой точке. Даже вампиры-лошади и то есть, я одну тут встречал. Благо мой верный Игги затоптал ее копытами. Вампир – самая популярная нечисть в нашей милой Стране Мечты.

– Я не знаю... – Ляжка подошел поближе к коню.

– А я знаю, – подмигнул Перец. – Знаю, что такие сочные парни найдут у вампиров самый горячий прием.

Ляжка настороженно озирался.

– Впрочем, они и костлявым будут рады. Правда, Доход? Зимин не ответил и тоже поближе придвинулся к Игги.

– Скоро ночь, – продолжал Перец. – Здесь быстро темнеет. И лучше нам где-нибудь устроиться, я не хочу всю ночь жечь костры и отстреливаться от тутошной дряни. Надо бежать быстрее. Этот лес – самое опасное место в окрестностях.

– Я быстрее не могу, – пожаловался Ляжка. – У меня на пятке шпора...

Всадник П. не обратил на это никакого внимания и только прибавил ходу, и Зимину пришлось уже бежать, стучаясь о лошадь. Ляжка тоже бежал, несмотря на свою якобы шпору и грузность телосложения.

– Поспешайте, насекомые, – веселился Перец с коня. – Или вы хотите ночевать в лесу? – смеялся Перец. – Я могу предоставить вам такую возможность. Ознакомьтесь с гастрономическими пристрастиями здешней сволочи...

И Перец прибавил ходу еще.

И Зимин не смог следовать за ним, он оторвался от стремени и свалился в мох рядом с тропинкой. Ляжка, сильно любивший жить, как всегда, продержался чуть дольше.

Когда Зимин поднялся, Перец был уже далеко, а Ляжка возвращался, задыхаясь и припадая на колени.

– Во мутант, – сказал Зимин. – Свинья...

– Что же делать? – Ляжка задрожал подбородком. – Может, на дерево влезем?

– На какое? – Зимин постучал по секвойе. – Тут и альпинист не взберется.

Рыцарь тем временем растворился в деревьях, Зимин и Ляжка остались одни. Копыта Иггдрасиля еще какое-то время бумкали по песку, но вскоре затихли и они. Зимин сел, прислонился спиной к ближайшей секвойе и попытался отдышаться. Ляжка переминался рядом и бегал глазами – опасался вампира.

Зимин вспомнил, как физкультурник учил их восстано-

ливать дыхание – надо расслабиться, резко и глубоко вдохнуть раза три-четыре, провентилировать легкие, а затем дышать мелко, постепенно уменьшая частоту вдохов. При этом желательно дышать не животом, как дышат все мужики, а грудью, как женщины.

Зимин начал было дышать, но восстановить дыхание полностью у него не получилось – на третьем вдохе вопль в лесу повторился, и уже гораздо ближе.

– Ай-ай-яй! – воскликнул Ляжка и вцепился в плечо Зимину. – Кажется, я его вижу...

Зимин поперхнулся, вскочил на ноги и двинул в сторону уехавшего Всадника П.

Сначала Зимин передвигался быстрым шагом. Ляжка семенил рядом, но когда крик повторился еще ближе (причем в крике Зимину почудился явный голод), Зимин всхлипнул и побежал в две тысячи тридцать восьмой раз за этот бесконечный день.

Глава 7

Ночь в кружале

Так вот, Зимин бежал по тропинке между гигантскими колоннами леса мамонтовых деревьев. Спасаясь от голодного вампира из Страны Мечты, она же Место Снов. Проклиная судьбинушку, собственную задохлость, безответственных мечтателей и создателей компьютерных игр, которые выдумывают черт-те что, а он потом отдувайся.

Его сокорытник Ляжка бежал рядом, проклиная Зимина, проклиная свою жадность, проклиная тот день, когда он решил торгануть диском с «Местом Снов».

Неприятные звуки приближались, и Зимину казалось, что они раздаются уже за самой его спиной. Когда Зимин оглядывался, он видел, что эти неприятные звуки издает Ляжка. Ляжка, как и сам Зимин, никогда не блистал спортивной формой на уроках физкультуры, и сейчас Ляжка хлюпал и хрипел. Но все равно даже эти звуки подхлестывали Зимина, хотя потенциал к бегу у него практически не оставалось. Ему казалось, что он пробежал за день уже марафонскую дистанцию, сердце вот-вот выскочит и поймать его не удастся. Пожалуй, больше всего его подталкивали весьма неприятные сцены из культовой серии электронных игр прохождения средневековых вампиров. Так вот, тамошние средне-

вековые вампиры, чтобы насытиться свежей кровушкой, отрывали своей жертве голову и пили прямо из нее. В смысле, из головы.

Ляжку подгоняли рассказы бабушки о страшных убийствах в глухой Ярославской области. Там трупы с высосанной кровью находили в собственных постелях. А убийцу так и не обнаруживали.

– Ляжка, – говорил на ходу Зимин. – Ляжка... Представь, что за тобою гонится... гонится... Рулетова... она тебя хочет поцеловать... хочет по-це-ло... Представь, как целуется Рулетова, Ляжка!

– Отвали! – задыхался Ляжка. – Отвали...

– О, Рулетова, твои ладони в лучах заката...

Ляжка застонал.

Бежать было тяжело. И вот когда Зимин был уже готов сдаться, сложить грабли, закрыть глаза и уступить всю свою кровь невидимому упырю, из-за ближайшего дерева вдруг выехал Перец собственной персоной. Он преградил дорогу и картинно поднял Игги на дыбы. Как в кино.

– Мастер! – захрипел Ляжка. – Мы все поняли! Мы все осознали! Пощади нас как можно скорее!

Перец усмехнулся мужественной усмешкой.

– Я вижу, жалкие шакалы, вы уже опорожнили кишечник, и хобот ваш опять трясется в страхе, – ехидно сказал рыцарь. – Жалкие вассалишки, недостойные лизать копыто благородного Иггдрасиля. Запрыгивайте на Игги позади ме-

ня, и я спасу ваши никчемные жизни в очередной раз. Не ожидая благодарности, не ожидая наград, без слез, без содроганий, исключительно из присущего подлинному мужу ши милосердия... Сейчас я прочитаю стихи, и мы тронемся в путь.

– Может, потом? – робко спросил Ляжка.

– Смердящий раб, – Перец пихнул Ляжку сапогом. – Как смеешь ты мне советовать? Как смеешь ты нагло требовать, чтобы стихи были потом? Сейчас, только сейчас!

И Всадник П. принялся декламировать:

Солнечный ветер наполнил мои паруса,
Каждый на свете слышит его голоса.
Солнечный ветер вдаль меня будет гнать.
Солнечный ветер, мне на тебя на... плевать!

– Ну, ладно, скоты, – смилостивился Перец. – Спасайтесь.

Перец простер руку и легко забросил Зимина на круп Игги. Ляжка одной рукой не забрасывался, и Перцу пришлось слезть и посадить его с помощью крепкого пинка. Зимин вцепился в спинку седла и закрыл глаза. Ляжка вцепился в спинку Зимина.

– Вперед, мой верный конь, рассекающий тьму, и да пребудут с нами Силы Света, – провозгласил Перец и ткнул Игги безжалостными шпорами.

Они скакали довольно долго, Зимин не мог сказать, сколько именно, потому что он спал. Во сне он бился лбом о твер-

дый щит Перца, но это ему совершенно не мешало. Ему снилось, что он едет на поезде, в общем вагоне на третьей полке и вот-вот должен упасть головой об стол и опрокинуть весь чай на пол, сон был утомителен и труден, не приносил никакого отдохновения. Но выбраться из него никак не получалось, хотя обычно Зимин расправлялся с дурными снами легко, одним усилением воли.

А сейчас вот почему-то не мог.

И когда Зимин открыл глаза, они все еще ехали по лесу. Игги уже не скакал, а плелся ленивым вихляющим шагом, вертел в разные стороны мордой и срывал с деревьев мелкие красненькие цветочки. Приближался вечер, и, как говорится, сумерки опустились на землю и окутали лес таинственным туманом. Короче, было уже почти темно, ни черта не видно и холодно. Даже объемная тушка Ляжки, булькавшая позади, почти у самого конского хвоста, не грела Зимина, подтверждая то, что жир не греет.

– Видишь? – сказал вдруг Перец и ткнул Зимина локтем. – Огонек.

– Да, мастер, – как полагается ответил Зимин. – Я вижу этот огонек.

– И я вижу этот добрый огонек, – промурлыкал Ляжка. – Он манит путников.

– Верно, Ляжка, – сказал Перец. – Это кружало, сиречь трактир, место, где усталый путник может найти ночлег и кружку доброго эля со сверчками, какая гадость... Нам туда.

Только вы, дубы, молчите и делаете, что я прикажу.

Перец повернул в сторону, они съехали с тропинки в лес и направились в сторону огонька.

– Мастер, а почему он не у дороги? – спросил Зимин. – Трактир, в смысле, кружало?

– Больная фантазия. Тут такого много, еще увидите. Тяп-ляп все... Хорошо, что трактир не в болоте вообще или на деревьях. Хотя в этом есть и своя прелесть...

Постоялый двор походил на большой барак, жилище лесозаготовителей и речных сплавщиков. Под тяжестью стен из толстых бревен строение просело в землю и выглядело по-бункерному, соломенная крыша тоже прогнулась, видимо, от дождей, над трубой поднимался дымок и пахло чем-то жареным. Перец подогнал коня к двери и позвал:

– Кто тут есть? Выходите, псы душные.

Дверь тут же отворилась, и на пороге образовалось существо размером с крупного орангутана и чем-то на него даже похожее. Только без рыжей волосни и глупой морды старого алкоголика-китайца. Напротив даже, существо на пороге было явно умным – его глаза блестели из-под лба и осматривали постояльцев изучающе. Из одежды на существе был рогожный фартук, берет и ржавая цепь на шее. На плече хозяин трактира держал неопрятного вида багор.

– Гоблин, – прошипел Перец. – Плохо...

– Ну, чего? – просипел гоблин и ловко вертанул багром в воздухе, под коричневой обезьяньей кожей перекатились

мощные мышцы. – Стол, комнату, овес?

– Конюшню, – сказал Перец. – Только конюшню. Мне нужен ночлег.

– А что у тебя есть, чел? – Гоблин собрал лицо в кулак. – Золотые орехи есть?

– Ну...

– Я вижу, у тебя есть лишний раб. Отдай его, чел, зачем тебе два?

И гоблин ткнул багром в сторону Ляжки.

– Ой, – пискнул Ляжка.

У гоблина в глазах закружились красные искры, и Зимину стало слегка страшно. Ляжка заворочался за спиной и обхватил Зимина крепче.

– Вот этого, – повторил гоблин. – В теле который.

Перец громко и неестественно засмеялся, отчего Зимин понял, что и Всаднику П. тоже страшно. В конце концов, ему тоже было всего четырнадцать или сколько там, он был совсем мальчишкой и звали его не Перец.

Его звали либо Васькой, либо Петькой, либо вообще Владленом Пернамбуковым. И там, в той жизни, он мог учиться в ПТУ специальности газосварщик, мог коптить на подержанную «шестеру», мог иметь подружку по имени Юля, а вечером посещать ночной клуб с названием «Relaxx».

Но в Стране Мечты, в Месте Снов он был благородным Всадником П. и вел себя соответственно.

И в соответствии с этой ответственностью Перец надулся, как рыба фугу в брачный период, ошетинился шипастой броней, лязгнул оружием и сказал:

– Щас! Подбери ложноножки, животное! Вся твоя тошниловка не стоит половины моего раба! Я его два года дрессировал! Он даже крыс ловить умеет! С завязанными глазами... А ты говоришь, раба отдай! Довольно с тебя будет и этого.

Перец сунул руку под левую мышку, вынул из-под нагрудника тяжелый нож и метнул в гоблина. Нож вошел в косяк над гоблинской головой, гоблин вынул снаряд, осмотрел его и кивнул.

– Конюшня на заду, – сказал он и скрылся внутри кружала.

Перец, Зимин, Ляжка и Игги прошли на задний двор. Молча. Даже болтливый Ляжка молчал.

Конюшня была пуста и походила на древнеримские руины, крыша имелась лишь в одном месте и вся в дырах, а ворота и вовсе были привалены к стене.

– Мастер, а почему мы не стали спать в доме? – спросил Зимин с почтительностью.

– Сам спи в таком доме, – трусил Ляжка. – А я и в конюшне...

– В этом доме лечь легко, да встать тяжело, – ответил Перец афористично. – Возьмешь курицу по-гавайски, а там мышьяк, возьмешь комнату, а в кровати штыри железные, а то

и пол проваливается в волчью яму. Гоблины – такие сволочи! В прошлом году одного парня нашего украли и сожрали, им все равно кого жрать...

– Как сожрали? – удивился Зимин.

– С черемшой, – серьезно ответил Перец. – А ты что думаешь, если это Страна Мечты, то тут никого не жрут, что ли? Жрут. И еще больше, чем там, жрут. С аппетитом! Но это мелочи... Ничего, через день приедем в Светлозерье, там хорошо. Все придумано в соответствии с разумом и рыцарскими обычаями. Леса культурные, везде озера, ручьи и поля, бульдоги пятнистые бегают, и никакого беззакония. Благородные мужи ши проживают в надлежащих прекрасных шато¹¹, славных и неприступных. Простой народ ся работает в поле в усердном поте лица. И никаких тебе рыжих гоблинов, никаких тебе вампиров, никаких блохастых динозавров. Ежедневно границы объезжают конные дозоры рыцарей в серебряных доспехах, они следят, чтобы нога поганого не ступила на землю светлой мечты. Чего стоите, поленья? Собирай сено в кучу.

Зимин и Ляжка принялись собирать комки жухлой вонючей соломы по полу строения и концентрировать ее в том углу, над которым была крыша.

– Пол не забудьте протыкать, – велел Перец. – Там могут быть лазы.

Зимин поднял с пола палку и потыкал в землю, никаких

¹¹ Шато (фр.) – замок.

лазов он не обнаружил.

– Все в порядке, мастер, – сказал он. – Никаких лазов.

– Дай я. – Ляжка отобрал палку и протыкал пол вторично, тщательнее.

Лазов не было.

– Хорошо. – Перец загнал в конюшню Игги, затем напрягся, приподнял ворота и приставил их на место. – Бежать отсюда бесполезно, помните. Если мозги есть – не побежите. Теперь спать. Можете устроиться у моих ног. И не забывайте чутко прислушиваться к звукам ночи, они могут о многом рассказать.

Перец подложил себе под голову седло, не снимая брони, зарылся в сено и выставил из него взведенный арбалет. Ляжка лег с левым сапогом, а Зимин пристроился в районе правого. И сразу же уснул, потому что устал, как дядя Том на своей любимой плантации.

Вообще-то, раньше Зимин не очень любил спать и сон не жаловал как ненужную и бессмысленную потребность. Однажды Зимин решил написать игру, полностью соответствующую собственным вкусам. И в сладкий уикенд, когда олды осели на даче и парились в бане, он засел за компьютер и не спал два дня. Он не спал бы дольше, но свалился в обморок от дегидратации. То есть от обезвоживания. Зимин забыл, что надо пить, а игра, кстати, не получилась. Так что какой-то особой потребности во сне Зимин никогда не испытывал, в чем походил на Наполеона, императора всех фран-

цузов, и Г. Ю. Цезаря, императора римского народа. Правда, об этой своей схожести со знаменитыми мира сего Зимин не знал, а если бы и узнал, то плюнул бы на это густой зеленой слюной, как он плевал почти на все.

А теперь вот Зимин уснул. Но ненадолго.

– Проснись, Доход. – Перец ткнул Зимина носком сапога.

Зимин проснулся, но с большим трудом, вполмозга.

– Осторожно открой глаза и смотри вверх, – шепнул Перец. – В прореху.

Зимин открыл глаза. В большую круглую дыру в крыше просовывалась острая ушастая морда. Морда фигурировала неподвижно, но было видно, что она живая и явно плотоядная. Это тоже напомнило Зимину одну игру, старую, он прошел ее чуть ли не в третьем классе и теперь даже забыл ее название.

– Не шевелись, – прошипел Перец. – Когда я скажу, перекачивайся на живот.

Потянулась тишина. Морда не шевелилась, лишь уши подрагивали, и так продолжалось довольно долго. Затем на крыше что-то скрипнуло, и существо принялось просовываться в дыру. Тут Перец крикнул:

– Давай!

Зимин перевалился на бок, над его головой звякнула тетива, сверху свалился меховой мешок. Мешок упал на Ляжку и ударился об него почему-то с костяным звуком. Ляжка завизжал «ы-ы», отбросил мешок за стену, затем упал на

четвереньки и забежал за ногу Всадника П.

– Кто это? – спросил Зимин.

– Утром посмотрим. – Перец с лязгом перезарядил арбалет. – Так и знал, что поспать не дадут. Наверное, сын трактирщика пришел подзаправиться. Они очень любят жир, срезают тонкими полосками и на хлеб, и на хлеб... Форшмак называется. Ляжку хотел сожрать. Слышь, Ляжка, ты мне жизнью обязан. Второй раз уже.

– Да-с, – ответил снизу Ляжка. – Я так счастлив, что вы с нами, честное слово!

– А может, нетопырь, – размышлял Перец. – Если нетопырь, то надо снять с него шкуру, она немало стоит, из нее сапоги получаются хорошие, крепкие. По этому поводу надо сочинить балладу... Ладно, потом сочиню, давайте спать...

И Перец улегся спать. Как ни в чем не бывало.

Но больше уснуть Зимин не смог, так и маялся до утра, вдыхая конские запахи, глядя, как мелкие, с кулак, домовые заплетают гриву Игги в косички, и слушая, как скулит во сне Ляжка.

Перец же храпел вовсю, громко и демократично, но Зимин, когда смотрел на него, видел, что глаза Перца поблескивают между век. Перец тоже не спал.

Утром они встали и осмотрели ночного гостя. Тварь была похожа на хозяина постоянного двора, только меньших размеров.

– Так и есть, – Перец перевернул нечистенка сапогом. –

Хозяйский отпрыск.

Он наклонился и выдернул из живота мелкого гоблина кованую арбалетную стрелу, пробившую его насквозь. Стрела была в кишках и какой-то черной дряни, Перец обтер ее о солому, зевнул и сказал:

– Благородный муж ши встречается на своем пути сонмы разных гадов. Но смысл заключается не в том, чтобы мочить этих гадов, смысл – в самом пути. Путь и есть смысл всего, тебе понятно, Ляжка?

– Понятно, – пролепетал Ляжка.

– Ничего тебе не понятно, по ушам же вижу. Но я тебя подкую в теории героизма. И вообще, прочитаю вам небольшую лекцию. Причем совершенно бесплатно. Героизм – это просто...

Перец вертел стрелу между пальцами.

– Герой идет своей дорогой, весь преисполненный светлых грез и тихой радости. Герой встречает... ну, допустим, тромбониста. Дает тромбонисту в глаз, тромбонист падает в колодец...

Перец поставил ногу на труп юного гоблина, почесал стрелой подбородок и продолжил с изрядным пафосом:

– Все это неспроста. Во всем этом есть какая-то загадка. А может, это Судьба? Так думают многие! И ошибаются! Никакого неспроста, никакой загадки, никакой Судьбы! Если бы жизнь была полна тупых закономерностей, это была бы не жизнь, а учебник арифметики! Встреча с тромбо-

нистом – это всего лишь встреча с тромбонистом. Только в плохих книжках один эпизод проистекает из другого, в хороших книжках все само по себе. Ты понимаешь, Ляжка?

– Да, понимаю...

– Случайность – вот Судьба! – провозгласил Перец. – Случайность! Не более того... Жизнь – это и есть случайность, жизнь – это хаос, беспорядок. А смерть, напротив, порядок. Камни – очень упорядоченные структуры...

Зимин слушал. Раньше он никогда не думал, что люди в таком возрасте могут рассуждать так. А они, оказывается, могли. И, как ни странно, Зимину было интересно это слушать.

– А вообще... – Перец неожиданно остановился в рассуждениях и пнул дохлого гоблина в сторону. – Вообще, надо сматываться отсюда, а то еще...

Ворота конюшни отлетели в сторону, и вошел хозяин. Он, как и вечером, явился с багром и был к тому же очень зол. Подойдя к мелкому существу, он поднял его за ногу и понюхал.

– Умер мой сыночек, – сказал старый гоблин. – Померла моя кровинушка! Померла моя надежда! Как жить-то теперь буду? Кто принесет мне кружку воды в старости? Кто укроет пледом мои больные ноги? Кто вотрет мне в затылок целебный бальзам из крыльев черных ночных бабочек? Кто будет опорой моей в мои последние дни?

– Короче, – Перец поигрывал стрелой. – Мне недосуг, зна-

ешь ли...

Зимин на всякий случай стал обходить гоблина сбоку. Ляжка пытался спрятаться за кучей соломы.

– Вот он будет опорой в мои последние дни, – гоблин облизнулся и снова указал на Ляжку. – Это возместит мой ущерб и залечит раны моего больного сердца.

– Ты мне наскучил, старая обезьяна. – Перец перекинул стрелу из руки в руку. – Забудь про моего раба, забудь, он не про тебя. Говори, что надо, у меня мало времени.

Гоблин поднял багор и сказал гадким голосом:

– Отдай чела, рыцарь! Неправильно поступаешь!

– Если ты, бабуин, не уймешься, я тебя пристрелю, как твоего заморыша, – пообещал Перец. – А притон твой сожгу. А землю посыплю марганцовкой, чтобы ничего больше не выросло. Знаешь, сколько у меня марганцовки? Целый подвал марганцовки! Теперь пошел вон!

Гоблин задумчиво опустил свое пыряло, закинул своего отпрыска за плечо и, бурча, удалился.

– Скорее! – Перец принялся грузить на Игги вещи. – А то вернется с друзьями! Тогда крышак.

Они быстро собрались и удалились. Когда постоялого двора стало не видно за мамонтовыми деревьями, Перец согнал Зимина и Ляжку на землю, нацепил им на шеи цепи и принялся разглагольствовать.

– Гоблины трусливы, как вы, – говорил он. – Подлые существа, впрямую никогда не нападут, если только в спину

или скопищем. Или ядом опоят. Надо было сжечь у него там все, ну да пусть живет, скотобаза, во имя идеалов гуманизма...

– Жалко его, мастер, – сказал Зимин. – Сын все-таки...

– Да у него таких сыновей тридцать штук, – хмыкнул Перец. – Не жалея. Он из него уже гуляш делает или котлеты.

– Котлеты – хорошо, – изрек Ляжка. – Особенно рыбные...

Перец засмеялся, впереди, в промежутках между деревьями, засинело небо.

– Котлеты... Это слово навевает на меня лирические мысли... Как говорил еще великий Ганнибал, война войной, обед обедом, – ухмыльнулся Перец. – Подкрепить себя пищей необходимо в ближайшее же время, иначе сахар в крови упадет. Но ничего, скоро пообедаем.

Огромный мамонтовый лес вдруг оборвался и перешел в бескрайнее, до горизонта, желтое поле. Зимин набрал в руку толстых злаков, но так и не понял, что это за культура, и про себя назвал ее пшеницей. Ляжка попробовал жевать колосья, но сразу убедился, что в натуральном виде эта пшеница весьма не походит на калачи. Но на всякий случай он набрал ее в карманы, даже в нагрудный. Мало ли куда попасть придется, вдруг на необитаемый остров? Можно посеять...

– За этим баснословным полем, мой верный Ляжка и мой верный Доход, снова лежит лес, а за лесом – Светлозерье, край радости и счастья, – пояснил Перец. – Туда мы прибу-

дем завтра утром, когда светлоокий Феб позолотит своими лучами лазурные воды ручьев и хрустальные скалы долин. И там вы, скоты, будете счастливы, никуда не денетесь. А что касается еды, то в двадцати стадиях ¹² отсюда пуэблo дружественных гномов.

– Они дадут нам еды, мастер? – воспрянул разочарованный пшеницей Ляжка.

– Дадут, куда они денутся... – заверил Перец. – Главное, уметь просить. Вон, кстати, видишь дымок? Это они. Простые сельские парни.

Дымок, легкий и белый, поднимался прямо из пшеницы, и Перец двинул туда своего верного и быстрого Иггдрасля. Зимин с Ляжкой потащились вслед за ними, делать-то было нечего.

Дороги сквозь пшеницу никакой особой не оказалось, и пробирались они напрямую. Пшеница была высокая, в рост Зимина, и густая, Игги шагал через нее легко, Зимину же приходилось туго – толстые колосья болезненно резали руки и обсыпали Зимина пылью, отчего Зимин задыхался. Ляжке было еще плоше – нижние стебли резали ему не руки, а лицо и шею, отчего Ляжка мелко кровоточил и был похож на маску красной смерти.

Они пробирались и пробирались, а деревни гномов видно не было, хотя дымок приближался, и скоро Перец спешился и зашагал рядом с Зиминим и Ляжкой. Затем они остано-

¹² Стадия – греческая мера длины, равная 150 м .

вились вове. Перец стреножил Игги и оставил в пшенице, конь сразу принялся поглощать колосья с большим аппетитом, блеснул зубами и улыбался всему миру подряд.

– Мастер, почему мы оставили Иг... Иггдрасиля? – спросил Зимин, отряхиваясь от пыли. – Он бы помог нам нести припасы.

– Гномы боятся лошадей, – объяснил Перец. – Они невелики ростом, с капибару, и очень пугливы.

– Они не опасны? – осведомился Ляжка.

– Они безопасны, как дети, – улыбнулся Перец. – Даже хуже.

– Знавал я детей... – буркнул Ляжка. – Девочка шла мимо спецпэтэу...

– А где деревня-то? – оглядывался Зимин.

– Сейчас увидишь. Вернее, услышишь. Стойте. Тише.

Они замерли, и Зимин действительно услышал звуки: козье бляенье, гусиный гогот, какой-то пустой гул, будто хлопанье мокрых простыней по ветру, – всю ту звуковую дребедень, что сопровождает села и деревни по всей галактике.

– Теперь осторожно, – шепнул Перец. – Придется немного поползти. Ты, Ляжка, ползи последним, иначе твоя задница нас демаскирует. Вперед, обезьяны, в нужном месте я подам знак.

Перец опустился на четвереньки, Зимин тоже. Ляжка тяжело лег на живот.

С кормы славный рыцарь Перец выглядел гораздо менее

представительным и грозным, и Зимин подумал, что, наверное, не совсем пристало благородному ши передвигаться в таких позитурах, но уже начавший приобретать благоразумность Зимин оставил свое мнение при себе. Ляжка вообще ничего не думал, Ляжка боялся.

Они поползли.

Зимину ползти было крайне неудобно, к его левой руке была прилажена предохранительная колодка, и потому приходилось опираться только на правую. Он уже хотел позвать Всадника П., но тот сам подал знак сапогом, то есть, попросту говоря, ткнул Зимина сапогом в морду. И Зимин тоже подал знак и ткнул своим ботинком в морду Ляжки. Ляжка тоже хотел бы подать кому-нибудь знак, но ему подавать знак было некому. Поэтому он просто плюнул Зимину на спину.

Они прижались к земле еще плотнее, совсем по-черепаши, и выползли к краю обрыва.

Посреди пшеничного поля имела место яма размером, пожалуй, в пару футбольных полей и глубиной метра в четыре, по форме напоминавшая плоскую воронку. В яме процветал городок. Десяток соломенных хижин, небольшое озерцо с зеленой водой, длинный сарай. Между строениями суетливо носились бурые маленькие существа, видимо, гномы. Зимин пригляделся и установил, что гномы – существа гуманоидные, чем-то напоминают переросших лягушек или китайских резиновых монстриков. На рождественских гномов с новогодних открыток эти похожи не были, в их физионо-

миях не сияла ненужная доброта, а имела место некая озабоченность. И еще гномы были худые и жилистые, а не круглые, упитанные и довольные жизнью.

И никаких красных колпаков с белыми помпонами.

Заняты гномы были непонятно чем, их возня напоминала броуновское движение, хотя определенный смысл, видимо, все-таки присутствовал – у гномов были корзины, и они их перетаскивали туда-сюда, а некоторые возились с гусями, козами и свиньями. Гуси, козы и свиньи были выше своих хозяев и вид от этого имели весьма гордый, даже независимый.

– Нам в хранилище, – шепнул Перец. – Вон тот длинный барак, похожий на лесопилку... Там все. Ну, пора. Бегите за мной. Шумите погромче, народу это нравится!

Перец рывком вскочил и, заорав: «Братва! Окружай свинорылых! Мочи их всех, потом зачтется!», кинулся вниз, Зимин поспешал за ним.

– А-а-а! – орал он. – А-а-а!

– У-е-е! – орал поспевавший за ними Ляжка.

Глава 8

Рыцарь Прыщавого Образа

Налет удался на славу.

Гномы замерли, а затем завизжали и кинулись прятаться по своим хижинам. Спасались они панически, растеряли корзины, и по земле покатались яблоки, и Зимин успел подумать: откуда здесь яблоки, яблонь-то почему-то не видно...

– Кричите громче!

– А-а-а! – кричал Зимин и размахивал свободной рукой. – Ур-р-р!

– Е-г-г! – кричал Ляжка. – Г-рр-ы!

Гномовская живность тоже напугалась и принялась метаться по поселению туда-сюда, орать, визжать и разбрасывать в разные стороны перья и грязь. Крупные розовые свиньи взбесились почему-то особенно сильно – они, как танки, бороздили поселение, опрокидывали хижины, опрокидывали гномов, поскользывались и переворачивались, превращая серьезный налет в веселый кавардак. К своему удивлению, Зимин заметил, что некоторые свиньи оседланы и взнузданы и отличаются более воспитанным характером.

– Справа заходи! – вопил Перец и размахивал мечом. – Хватай свиней!

Гномы кричали все громче и беспорядочнее – так кричат

девочки, когда им в раздевалку запускают мышь.

– Поспешай, Доход, а то они скоро очухаются, тогда туго придется!

И Перец треснул подвернувшуюся свинью рукояткой меча, подрубил подпорку ближайшей хижины и перевернул корзину с яблоками. Зимину показалось, что Перец даже не столько хочет есть, сколько ему нравится крушить и ломать, разбрасывать в разные стороны и пускать по ветру, на поток и разграбление.

– Высыпем этим толстобрюхим! – кричал Перец, хотя никаких толстобрюхих, кроме свиней и Ляжки, вокруг не было. – Смерть уродам!

Одним словом, Перец чувствовал себя полностью в своей тарелке. В отличие от Зимина и Ляжки, которым подобные экспедиции были непривычны. Зимин попытался освободить руку, неловко поскользнулся и перемазался в глине с навозом, а потом на него наступил еще и толстенный гусак. Ляжка же попытался ухватить поросенка, но тот оказал сопротивление и саданул копытом Ляжку в глаз, отчего у того сразу же зажегся изумительный фонарь.

– Ветчина поганая, – Ляжка выпустил добычу. – Собачьи консервы...

– Не плачь, Маруся, – утешил его Перец. – Пройдут дожди.

Так постепенно, с шумом, криками и воплями, они добрались до длинного и приземистого амбара.

– Вот и на месте, – сказал Перец. – Дело за малым.

Перец уперся в стену плечом и проломил ее. Затем оторвал крышу и проник внутрь: амбар был Перцу по пояс.

– А, черт, забыл тебя разуздить, Доход, – сказал Перец, набивая кожаный мешок сырными головами. – Ляжка, держи мешок.

Он сунул в руку Ляжке мешок с сыром, затем освободил руку Зимина от колодки. И снова нырнул в хранилище. Зимин наклонился и собрал в мешок несколько желто-зеленых яблок. Он было собрался попробовать самое сочное яблоко, но что-то выбило это яблоко из рук. Зимин огляделся и обнаружил, что из ближайшей хижины выставился гном, а в руке у гнома длинная петля, а в петле какая-то круглая штука. Ляжка тоже собирал яблоки в подол рубашки и не замечал ничего вокруг, некоторые яблоки он сжирал на месте, не отходя от кассы, гнома с петлей он не видел.

«Праща», – всплыло в мозгу Зимина, и еще всплыла какая-то библейская фольклористика. Что-то про дубосечных великанов и ловкоруких пастухов, которые этих самых великанов терроризировали своей меткостью и в конце концов довели до деревянного макинтоша.

Недомерок с пращей был достаточно близко, и Зимину удалось его рассмотреть подробнейшим образом.

Гном походил на лилипута из разъездной труппы «Блефуску». Однажды мать Зимина прибежала домой в восторге и сказала, что к ним в город приезжают бродячие лилипуты,

что они жутко милые и что на них надо обязательно сходить. Она купила билеты, взяла у знакомых морской бинокль, и Зимины всей семьей поперли в драмтеатр. Лилипуты пели шансон, танцевали танго, кувыркались и ездили на сенбернарах, они Зимину совсем не понравились, поскольку он не мог определить для себя – кто они, взрослые или дети. И еще Зимину не понравились их лица – слишком старые для их размеров и слишком измученные существованием.

Гном был точно такой же. Карикатурное лицо с большим носом, губами и ушами, неприятный брюквенный оттенок кожи и торчащие в небо нижние клыки. И на самом деле на лягушку похож. Гном произвел вращательное движение кистью и высвободил пращу в направлении Зимина. Зимин охнул – в живот ему врезался твердый шаровидный предмет.

– Ху-у! – дыхание из Зимина выскочило, и он брякнулся на колени.

– Что? – из амбара высунулся Перец, на шее у него болтался колбасный круг, а на меч был насажен небольшой окорок. – А, уже! Пора сматываться, мои верные холуи!

– Пуляются, – пожаловался Ляжка. – Чего это они?

– Скоты, – пожал плечами Перец. – Что с них взять?

Он подхватил ближайшее яблоко и запустил его в гнома с пращой, яблоко попало гному в лоб и отбросило его в хижину. Это принесло Зимину небольшое моральное удовлетворение.

– Бежим! – подхватился Перец. – То есть я хотел сказать,

организованно отстаем. Эти гады очухались...

И они, отяготившись как следует провизией, тяжело побежали вверх по склону.

Перец, Зимин и Ляжка преодолели уже половину пути наверх, когда за их спинами поднялся вой и рев, будто сразу на волю была выпущена стая диких необузданных собак. Зимин обернулся и увидел, что из хижин высыпало огромное количество бурых невысоких существ, и все они были снабжены бешено вращающимися пращами и бешено дергающимися ноздрями. Воздух взвизгнул разом и наполнился злыми тяжелыми пчелами.

– Ложись! – заорал Перец, и они грохнулись в глину, перемешанную с соломой.

Град глиняных камней обрушился на Перца, Ляжку и Зими́на. Камни прошли по броне Перца и не причинили ему ощутимого вреда, разве что засыпало красной крошкой. Зимин же весьма болезненно получил по затылку и по спине. Ляжка пострадал немного – большинство камней попросту отскочило от его упругой тушки.

– Вперед! – крикнул Перец, и они рванули до следующего залпа, который поразил Зими́на в плечо и снова в спину и не принес никакого ущерба Ляжке и Перцу.

В третью перебежку они сумели выбраться из ямы и оказались в поле. Перец обернулся к деревне гномов и крикнул:

– Это будет вам уроком, алчные обезьяны! Всегда надо делиться с ближними! И вам воздастся сторицей!

Из деревни ответили воинственными криками и хрюканьем боевых свиней. Добытки прибавили ходу, Перец свистнул особым способом, и Игги отозвался из пшеницы знакомым ржанием.

– Туда, – крикнул Перец, они взяли влево и через несколько шагов наткнулись на коня.

Перец распутал Игги ноги, закинул на седло награбленные припасы, закинул Зимина, подтолкнул Ляжку, вспрыгнул сам и развернул коня к поселению. И сверху, с высоты твердой конской спины, Зимин увидел, как к ним, рассекая колосья пшеницы, розовыми миноносцами несутся свиньи. Тевтонским клином. С яростными гномами на спинах.

Штук пятнадцать.

Зимин засмеялся, ведь это было смешно, гномы напомнили ему почему-то индейцев, наверное, своими боевыми воплями и пестрой окраской.

Одна свинья, в красном боевом наморднике и с закованным в медный панцирь всадником, вырвалась вперед. Всадник размахивал маленьким топором и зывал к немедленному и жестокому отмщению. Перец положил на локоть арбалет и прицелился в предводителя стаи.

– Прибей его, мастер! – завозился сзади Ляжка. – Больше не будет пуляться своим сушеным навозом!

Какое-то мгновение Зимин думал, что Перец выстрелит.

Он представил, как стрела сорвется с ложа, пробьет воздух, разорвет гнома на части, и свинья будет нестись вперед

уже в унылом одиночестве, сама по себе. Но Перец не выстрелил, он плюнул, снял стрелу, привесил арбалет к седлу и погнал Игги прочь. Он гикал и лупил коня плеткой из усов дракона, что очень способствовало повышению скорости.

Через час, а может, через два они шагали все по тому же полю, конца ему не предвиделось, поселение гномов осталось где-то за горизонтом, они переправились через два ручья и одну маленькую речку. На ее поверхности грелись здоровенные рыбины с голубыми перьями, Перец хотел подстрелить одну на обед, но промазал, стрела с бульком ушла в воду, и сколько Зимин и Ляжка ее ни искали, шаря по песчаному дну голыми пятками, найти не смогли.

Нашли старый кувшин с джинном, но джинн оказался мертвым и превратился уже в скелет. Перец вытряхнул джинна в реку, а кувшин забрал себе, сказал, что пригодится в хозяйстве.

– Хлеб скорби, вода печали, – философически заметил Перец, глядя, как голодные рыбы треплют останки джинна. – Я возвращен на скудной пище пустыни, такова моя юдоль и планида, влекущая меня по этим землям в направлении звезды Полярная. Хорошо. Но пожрать все-таки надо.

За рекой они остановились на привал. Перец нарубил кинжалом сыра и колбасы и, поскольку еды было много и она все равно бы испортилась, допустил к трапезе и Зимина с Ляжкой. Они валялись на низком берегу, жевали сыр с ветчиной, заедали все это медовыми яблоками. Перец не задавался и

был близок к народу, пел песни и рассказывал боевые стихи про героев, так что впервые за эти два дня Зимину показалось, что в Стране Мечты не так уж и плохо.

Так, даже нормально.

– Когда мы прибудем в замок, мы отдохнем недельку, отъедемся, у меня роскошный повар, знаете ли, и посетим баню. Я позволю вам принять после меня ванну, как и полагается добрым слугам и йоменам¹³, преданным своему господину. А затем отправимся в поход в северные земли, – рассуждал Перец, вгрызаясь в яблоко. – В этом году я не убил еще ни одного дракона, а между тем я дал клятву, что буду убивать их ежегодно в количестве одного-двух штук. Так что у нас впереди славные дела и баталии. Мне кажется, Доход, ты будешь добрым денщиком и потом, может быть, года через два-три, ты станешь оруженосцем, а там, глядишь, и рыцарем... А у тебя, Ляжка, тоже есть перспективы, тебя я определю на псарню, младшим псарем, а потом, когда ты научишься готовить, пристрою тебя помощником повара. Смел ли ты мечтать, несчастный жирдяй, что ты станешь поваром на рыцарской псарне?

– Нет, конечно, мастер, – робко улыбнулся Ляжка. – Я даже думать об этом не мог, мастер. Это так... это так необыкновенно!

– Да, знаю, знаю... – рассеянно говорил Перец. – Ты верный друг. Ты не представляешь даже, как это прекрасно –

¹³ Йомен – крестьянин в Англии в средние века.

быть рыцарем! Это поэзия, это взлет на дирижабле! Вы когда-нибудь летали на дирижаблях? У одного здешнего оборота есть дирижабль...

Перец кидал огрызок в реку, и его съедали речные жители, терзаемые подводным голодом. Зимин на дирижаблях никогда не летал.

– Кофя хочу, – говорил Перец. – Кофя... Доход, время идет...

Зимин избил кофемолку, намолол и сварил кофе, а Ляжка сделал мягкое кресло из соломы. И Перец позволил им пить вместе с ним. Сам Перец кофейничал из большой серебряной кружки с замысловатым вензелем, а Зимину и Ляжке достались заурядные черпаки из плетеной бересты. Кофе был вкусным, правда, без сахара.

– Сахар тут редок, – сказал Перец, выплеснув остатки. – Такова специфика. А так всего навалом...

Перец пребывал в радужном настроении и походил на хлебосольного графа Алексея Толстого в молодости, которого можно увидеть в школьных учебниках литературы. Усталый Игги пасся рядом.

Всадник П. размышлял:

– Ты не задумывался, Доход: почему больше всего в Стране Мечты живет гномов? Ведь эти гомункулусы встречаются чаще других форм, видимо, это инерция обывательского сознания. Все придумывают гномов. Гораздо приятнее было бы, если люди придумывали бы больше эльфов, а не всякую

подземную муру...

Перец говорил странно и непривычно для своего обычного стиля, Зимин стал подозревать, что, вполне вероятно, он даже обучался в вузе, несмотря на юность лет. Может, на подготовительном отделении, а может, просто вундеркинд. А на досуге ходил в круг эрпэджэшников, что забивают стрелки в пригородных парках и носятся по этим паркам в картонной броне и с мечами, выточеными из тракторных рессор. Пишут друг другу непонятные записки на финно-эльфийском языке, а потом, опившись самодельным элем, всаживают друг другу между глаз длинные стрелы с пером попугая...

Увидев в глазах Зимина непонимание, Перец перешел на свой обычный штиль.

– Ладно, – сказал он. – Поспим и двинемся в путь, осталось нам недолго. Но перед сном я должен совершить свой ежедневный моцион, вчера не получилось, к сожалению. Сами понимаете, всему должно быть место и время...

Перец сбросил броню, снял рубаху и оказался голым по пояс. Он был и в самом деле изрядно накачан, не как культурист, а скорее как борец-самбист. Зимин даже сначала немного позавидовал такому телосложению, но потом увидел, что завидовать особо нечему – все плечи Перца, руки и даже отчасти спина были покрыты редкими, но очень крупными красно-синими нарывами. На левом бицепсе болталась грязная повязка, Зимин подумал, что под ней Пе-

рец скрывает, наверное, особо пугающий нарыв. Или, может быть, даже лишай. Многие стыдятся своих лишаев...

– Фурункулез – бич поэта, – пояснил Перец. – С другой стороны, это так аристократично, так тонко...

Мечтания звездные под шепот ночи.

Получит каждый всего, что хочет.

Стремленья гордые, души порывы.

Люблю ласкать я вас – мои нарывы, —

продекламировал Перец.

Затем достал из-за голенища длинную серебристую коробочку, развернул ее веером на коленях. В коробочке хранились шприц с длинной иглой, скальпель, пузырек с йодом и кусок чистой тряпки.

– Это так успокаивает нервы, – говорил Перец, подготавливая свой инструментарий. – После трудного боевого дня сесть где-нибудь на зеленой траве и как следует почистить свои... свои болячки...

Зимин посмотрел на Ляжку. Ляжка пребывал в полуморочном состоянии.

– И только облака в сиянье голубом... – умиротворенно мурлыкал Перец. – Однако это дело требует некоей публичности, в этом проблема... Без этого оно лишено всего смысла...

Перец выбрал скальпель, глубоко подышал на него и любовался на свое отражение в лезвии.

– Вы, двое, подойдите поближе, – приказал он. – Садитесь рядом и смотрите внимательно!

Зимин удивился такой небывалой прихоти, Ляжка же, знавший жизнь несколько лучше и в разных проявлениях, удивился не очень. Он был знаком с одним парнем, так тот любил, чтобы все видели, как он ковыряется в носу. Причем он всегда это делал тайно, но балдел, когда его ловили и уличали. Имя ему было Жижиков.

– Сначала я жутко мучился, – говорил Перец, вскрывая фурункул. – Потом понял, что в этом есть даже своя особая прелесть, изюминка... Это приятно, это такой декаданс ¹⁴... Знайте, черви: рыцари-альбигойцы, отправляясь в дальние странствия, брали с собой в золотых коробочках засушенный...

Зимин увидел, как у Ляжки зашевелилось горло. Ляжку тошнило.

Перец отложил скальпель и вонзил в свой нарыв шприц, поморщился, оттянул поршень и посмотрел полученную жидкость на просвет.

– Превосходно, – сказал Перец. – Цвет удивительно насыщенный...

Перец нажал на поршень, Ляжка не утерпел и побежал в густую высокую рожь. Вернее, в пшеницу.

Когда он вернулся, Перец заставил его сорок раз отжаться за невыдержанный характер. Ляжка сказал, что тут грязно,

¹⁴ Декаданс – упадок. Стиль в искусстве, модный в начале XX века.

отчего Перец пришел в небольшую ярость.

– А если в бою ради товарища тебе придется упасть в лошадиный помет? – спросил он. – А если тебе придется упасть в свиной помет? А если это будет помет марала? Ты что, будешь сначала принюхиваться? – спросил Перец и наградил Ляжку тычком. – Избавляйся от плебейских повадок, кокованя!

– Избавляюсь, монсеньор, – щебетал Ляжка. – Выдавливаю по капле...

Тут желудок подвел Ляжку во второй раз.

– Я буду звать его Чирей, – шепнул Ляжка Зимину, вернувшись из пшеницы. – Чирей лучше, чем Перец. Чирей – рыцарь Прыщавого образа!

– Давай спать, – сказал Зимин. – Мне спать хочется.

И они поспали, а затем проснулись, омыли свои чресла, шуйцы-десницы и что еще есть у них там в водах безымянной реки, и освежили свои ланита, и взнуздали отдохнувшего Игги, и задали ему корму. Короче, справились со всей рутинной мурой и отправились в сторону невидимого пока еще Светлозерья – Перец верхом, Зимин и Ляжка пешим строем.

Путешествие их протекало вполне мирно. Мамонтовый лес окончательно скрылся из виду, и теперь вокруг было лишь небо и поле. Перец дремал на коне, Зимин плелся у стремени и ел яблоки, коих запасливый Ляжка набрал весьма много. Огрызки он отдавал Игги, и тот жевал их с удовольствием, Ляжка же свои огрызки вредоносно выкидывал

в поле. Между яблоками Зимин пробовал размышлять о своем будущем, но не получалось, он все время сбивался на мысли о каких-то деталях окружающей реальности, о красном наморднике на боевой свинье, о почему-то знакомом пожарном багре на плече гоблина, о КА82, который Зимина удивил больше всего. Иногда он начинал думать о доме, о матери и отце, но эти мысли надолго в голове не задерживались. Мать хотела, чтоб он стал юристом, а тут юристов, видимо, нет совсем. Славное место. И экономистов, наверное, нет.

Солнце ползло и ползло над головами путников в западную сторону, тени удлинялись, Игги плелся сам по себе, не руководствуясь никакими приметам, но все равно почему-то казалось, что он знает дорогу, хотя никакой дороги, в общем-то, не было – сплошное поле. Зимин думал, что такое поле на редкость успокаивает нервную систему, в поле не к чему прицепиться глазом. Раньше он никогда не был в поле и теперь думал, что, наверное, хорошо жить американским фермерам в полях кукурузы где-нибудь в Небраске.

Как на Луне.

Ляжка думал, что совершенно баснословные запасы пшеницы, судя по всему, пропадают совершенно зря, в то время как человечество мучительно страдает от скверного синтетического стеклоочистителя. Хорошо бы взять всю эту пшеницу, переделать на спирт и продать его сразу на подпольный винцех, а там ему быстро найдут применение...

Потом Перец проснулся и сразу принялся за колбасу, он повесил себе на шею давешний круг и откусывал прямо от него, не задевая рук. Зимину и Ляжке он сунул по длинной перченой сосиске на манер салями, она очень хорошо сочеталась с яблоками, Зимин сжевал ее и сразу захотел пить. Ляжка тоже. Но Перец не рискнул осквернить свою флягу устами простолюдинов, а посуду ему доставать было лень, и Зимину с Ляжкой пришлось дожидаться ручья. Но и в ручье они не смогли утолить жажду – вода показалась Перцу подозрительной, уж слишком прозрачной, и он запретил Игги и своим вассалам пить ее.

– Может быть, мертвая, – пояснил он. – Такую хлебнешь – и все, заказывай бамбуковый пеньюар с черными аксельбантами, я видал, как такое бывает. Один мой сосед, рыцарь Горн, в одном славном походе тоже вот мучился жаждой и выпил из мертвого ручья. Не прошло и двух дней, как он споткнулся на ровном месте и насадился на сердцедер. И все, быстрая смерть настигла его незамедлительно. Надо быть осторожнее, надо следить за собой, не то козленочком станешь.

Зимину казалось, что это Перец специально не дал попить, чтобы они с Ляжкой посильнее помучились, и пришел в отчаяние, но оказалось, что нет – в одном месте Перец свернул в сторону и ушел в пшеничную глубь, вернулся с растением с толстым зеленым стеблем, похожим на борщевик. Он обрубил у растения верхушку и протянул Зимину и

Лапе по половинке. Внутри была вода. Они напились.

– Учитесь, вассалы, – сказал Перец. – Когда мы двинемся в северные земли, вам придется снабжать меня пищей, потому что я буду охранять нас от драконов и вести на них охоту. Знаешь, Доход, в мире нет ничего прекраснее, чем драконы, парящие в утреннем небе. У меня дома, ну, в смысле, в замке, на стене гобелен – драконы, плывущие в облаках, его выткали трудолюбивые гномы из шерсти полевых мышей. Сам магистр Магического Ордена мне за него предлагал двойной домен, но я отказался, потому что не могу без прекрасного. Кстати, Доход, а ты умеешь истории рассказывать?

– Я, мастер?

– Ты, ты, – Перец остановился. – Я смотрю, из Ляжки сказочник хреновый получается, он все на девчонок сбивается. А хорошие скальды у нас в цене. Хороший скальд стоит трех обычных денщиков и десять мер отборного овса. Ну, сам понимаешь, ни ТВ, ни радио тут нет, с развлечениями туго. Есть один бродячий театр, так они столько за представление просят! И заезжают редко... Ну, турнир раз в полгода... Ты что-нибудь можешь?

– Не-а...

– На гитаре бряцать, песни петь, фильмы пересказывать? Ничего не можешь?

– Не.

– Жаль, – Перец вздохнул. – Что за люд пошел? Я тут уже три года, раньше народ другой попадался, умелый ка-

кой-то... Ладно, черт с тобой, пригодишься и так. Все учатся.

Зимин согласно кивнул. Однажды он решил нарисовать советский штурмовик «Ил-2» с отстреленной плоскостью и упорно тренировался почти два месяца. Получилось.

– Мастер, а откуда здесь яблоки? – спросил Ляжка.

– А кто его знает. Гномы как-то выращивают. Они вообще много чего выращивают, даже ананасы. Только ананасы выращивают не бурые гномы, а синие, тут вроде синих нет... Яблоки, кстати, еще не все слопали?

– Есть.

– Дай-ка.

Зимин передал Перцу мешок, Перец засунул в мешок голодную руку, поелозил слегка, достал себе самое крупное и румяное яблоко и вознамерился вонзить в него зубы, но вдруг передумал. Он привстал на стременах и понюхал воздух, совсем как огромная луговая собачка. Зимин понюхал тоже, но ничего не почувствовал, кроме запаха пшеницы.

– Дождем пахнет, носороги, – сказал Перец. – К ночи пойдет. Придется спать в соломе, а то промерзнем на фиг и отсыреем. Я отсырею, и в моей броне заведутся паразиты, тут паразиты заводятся практически во всем... И мои чудные фурункулы станут трофическими язвами, а этого допускать нельзя. Надо нарубить соломы.

Перец остановил Игги и свалился в поле. Он выволок из ножен боевой меч, а другой, тренировочный и тупой, сунул

Зимину.

– Руби пшеницу, – велел Перец. – А ты, Ляжка, рви руки. Тебе важно похудеть. Толстые здесь долго не живут.

Они стали рубить колосья и собирать их в снопы. Ляжка тоже старался, он не хотел мокнуть под дождем и заболеть трофическими язвами. И Зимин старался, хотя никакого дождя, по его мнению, быть просто не могло. Очень скоро набралась небольшая копна. Перец вырыл нору, залез в нее и объявил привал. Зимин устроился с другой стороны; в копну тотчас залезли суетливые полевые мыши, они сразу же затеяли скандал, и Зимину было интересно их слушать. Мыши звучали усыпляюще, Зимин даже зевнул, немилосердно растягивая челюсть. Вдали появилась небольшая темная туча, и Зимин подумал, что Перец был прав насчет дождя.

И еще он подумал, что это, наверное, чутье, оно вырабатывается годами жизни в Стране Мечты. И у него рано или поздно тоже разовьется такое чутье. И он станет рыцарем. Не таким замшелым, как Перец. Лучше. Лучше быть рыцарем, чем юристом, это бесспорно. И может, даже Ляжка станет рыцарем.

Между тем туча висела на месте, не двигалась. Края ее были неровными и даже рваными, будто на ветру болталась мутная черная тряпка. Это показалось Зимину красивым, и он стал за тучей наблюдать.

Через некоторое время он пришел к выводу, что туча явно не простая – от нее то и дело отделялись черные элементы,

описывали вокруг тучи круги и восьмерки и возвращались в ее недра. Из такой тучи мог запросто пойти град из камней, ледяных глыб или бешеных опоссумов.

– Мастер, вы были правы насчет дождя, – сказал Ляжка. – Вона какая туча собралась, наверное, с градом. У вас чутье.

– Какая туча, Ляжка, дождь с этой стороны должен быть, я специально лег в ее сторону.

– Не знаю, с какой стороны должен пойти, а туча здесь.

– Как здесь?

– Так здесь, – ответил Ляжка.

– Здесь, здесь, – подтвердил Зимин.

Перец заворочался и заругался, своим железным боком он прищемил какого-то мышинового вождя, и из сена раздался негодующий визг. Перец выбрался наружу и сказал:

– Опа.

– Чего «опа», мастер? – спросил Ляжка.

– Тучу видишь?

– Ну.

– Это не туча! – скрипнул зубами Перец.

– А что это, мастер?

– Это колдоперы! – Перец плюнул. – Чертовы колдоперы, пень им в дышло!

Зимин тоже вылез наружу. И Ляжка тоже вылез и стал рядом.

– Они кто? – спросил Ляжка.

Туча несколько приблизилась, и Зимин разглядел, что

она не совсем сплошная, а состоит из множества небольших сегментов, передвигающихся самостоятельно. Эти сегменты походили на маленькие черные кляксы, они сновали туда-сюда, зависали и переворачивались.

– И рыцаря не взять дешевым колдоперам! – провозгласил Перец с вызовом, но в голосе его Зимину послышалось некоторое сомнение.

– Кто это, мастер? – спросил Ляжка еще раз.

– Жалкие колдоперишки! – Перец снова выволок меч. – Вышли на охоту! Но я им покажу!

Туча приблизилась еще, и Зимин наконец разглядел, что черные кляксы – это люди, обряженные в черные плащи с капюшонами. Но в воздухе они висят не сами по себе, а на вытянутых предметах, сильно смахивающих на метлы.

– Слишком много, – размышлял вслух Перец. – Слишком много, не справиться... Накинутся все сразу, одолеют... Но бегство – позор для рыцаря и его верных оруженосцев! Мы примем бой.

– А может, организованно отступить? – предложил Ляжка. – Передислоцироваться на новые, заранее подготовленные позиции...

Перец натянул тяжелые железные перчатки.

– От них уже не отступить, – сказал Перец. – Не волнуйся, мой верный оруженосец Ляжка, нас не убьют... Скорее всего... Но все равно приятного мало.

– Может, все же попробуем? – предложил Ляжка. – Если

мы побежим быстро...

– Догонят. – Перец нахлобучил шлем и застегнул под подбородком ремешок. – Эти догонят. Доход, возьми меч и прими достойную позу. Ляжка, обороняйся тоже.

Зимин неуверенно принял тупой меч и сжал его обеими руками. Перец поднял длинный костяной рог с серебряной окантовкой и загудел в него со страстью влюбленного лося. Получилось громко и некрасиво, но туча замерла, затем стремительно перегруппировалась и двинулась к ним.

– Ну, вот и все, – сказал Перец. – Пошло добро по трубам.

– Мастер... – заныл Ляжка. – Может, это, может...

– Потом, Ляжка, – смеялся Перец. – Потом...

Потом Зимин смотрел вниз.

Внизу, не очень хорошо различимая в синих сумерках, плыла Страна Мечты. Ничего интересного в Стране Мечты не было, больше всего она походила на обычный лес с редкими огнями. Вот и все.

Летели они довольно высоко. Сразу за Зиминим тащили Перца, а справа усиленное крыло всадников транспортировало Ляжку. Ляжка летел мертвым грузом и не шевелился, опасаясь оборвать сети и разбиться в расцвете сил.

Перец был тоже запутан в сеть и переносил путешествие со спокойным достоинством. Впрочем, по-другому он и не мог – на всякий случай его связали по рукам и ногам прямо поверх брони, связали хорошо – Перец походил на кокон, одна голова торчала.

Перец оказал довольно серьезное сопротивление: он выстрелил из арбалета в пикировавших на него всадников и громко ругался матом, но был сразу же накрыт крепкой проволочной сетью.

– Получите! – заорал Перец, но был выдернут из седла и уронен на землю. – Пердолетчики проклятые...

Воздушные всадники на метлах ловко накинули ему на ногу петлю и потащили по полю, Зимин слышал, как Перец ругается и бесполезно гремит доспехами где-то в глубине пшеницы.

– За меня жестоко отомстят! – орал Перец. – Ваш долбаный кибуц разнесут по кирпичам! Да здравствует Светлозерье! Смерть пердолетчикам!

После этого Перец болезненно вскрикнул и замолчал – видимо, его ударили по голове для придания импульса послушания. Игги рванул в сторону, но за ним колдоперы не погнались, конь им был без надобности.

С Зиминым обошлись и того проще – один из всадников пронесся над ним и приложил кистенем по лбу. В глазах у Зимина взорвались искорки, управление телом сразу нарушилось, но сознание в голове удержалось, так что Зимин видел все, что вокруг происходило.

Всадники опускались один за другим, всего штук тридцать, они спешили и сразу принимались за дело.

Для начала они приволокли из пшеницы Перца, поколотили его, а затем связали. Начальственный всадник, поло-

жение которого выделяли красная повязка повыше локтя и особая метла, молча и быстро отдавал приказания кивком головы, и все его слушались.

Ляжка сдался сам. Он поднял руки, поворачивался вокруг своей оси и кланялся, как китаец. Как не оказавшего сопротивления, его просто стукнули в солнечное сплетение и связали.

Зими́на тоже связали, но не капитально, а просто – удавкой под мышки. После чего его и Перца запеленали в сети и прицепили к двум летающим метлам, тип с красной повязкой махнул рукой, всадники вскочили, оседлали свои черенки и взмыли в небо.

При взлете у Зими́на закружилась голова, он взглянул вниз и увидел одинокого Игги. Конь стоял посреди бескрайнего поля и глядел вверх, морда у него была глупая и растерянная.

– До свиданья, Игги, – сказал Зимин, и конь будто услышал, задрал морду и глухо заржал.

Летели уже долго, только на то, чтобы пересечь поле, потребовался час, а может, и даже больше. Высоко – земля походила на карту. Иногда они поднимались даже к облакам и ныряли в густой, плотный, пахнущий озоном туман.

За полем последовал лес, и длился он часа три. Потом местность стала холмистой, затем через зелень леса стали прорываться синие скалы, и Зимин подумал, что тут все очень похоже на Альпы, не хватает лишь замка Нойшвайн-

штайн – плакат с его изображением висел у Зимина в туалете.

Но здесь на холмах никаких крепостей не было, холмы были лысые, лишь кое-где на них торчали грубые мегалиты и всяческие другие неприличные кромлехи и их развалины, да еще ручьи блестели. Потом из тумана вынырнул огонек, огонек разгорался и разгорался. Когда он разгорелся уж совсем, Зимина снова стукнули по голове. Утрачивая сознание, Зимин подумал, что это для того, чтобы он не смог выдать расположение базы колдоперов даже под пыткой.

Глава 9

Ужин самурая

– Я вообще такие книжки не люблю, – разглагольствовал Перец, сбившись на низкий штиль. – А больше всего не люблю эту, ну, фамилия у него еще такая дурацкая... Там про чувака, у которого на планете баньяны росли, а он их выдергивал...

– Баобабы, – поправил Ляжка. – Баобабы у него росли. Я передачу видел про него, он крутой был, его немцы сбили...

– Не вижу разницы, – Перец плюнул. – Баобабы, баньяны, рододендроны. Я эту книжку просто не перевариваю! Все восхищаются, все говорят... Фуффло! Дети эту книжку и не читают даже! Ее пенсионерки только читают! Романтически настроенные пенсионерки! Потому что она скучная! Там много морали и всякой фигни! А сам этот тип вообще похож на девчонку! Верно, Ляжка?

– Верно, мастер, – соглашался Ляжка. – Вы правы на сто двадцать процентов!

– Типа мы в ответе за тех, кого мы приручили! Чушь! А если я крокодила приручу, мне что, за него в ответе всю жизнь быть? Как меня достала вся эта моралистика!

Перец поднял кувалду, бросил быстрый взгляд в лужу – для оценки рельефности своей мускулатуры, затем ударил

по штырю. Штырь загудел, как зубная боль, в стороны поползли трещинки, камень чавкнул, затем от него откололась большая прямоугольная глыба. Перец подхватил глыбу, выжал ее над головой и швырнул Зимину.

Зимин подошел к глыбе и принялся обрабатывать ее киркой. С каждым ударом от нее откалывался кусок примерно в кулак, эти кулаки Зимин переносил к большой, врытой в землю медной ступе. Когда ступа наполнялась до половины, Зимин брался за веревку. Веревка, переброшенная через блок с балкой, была привязана к двухпудовой гире, Зимин тянул за веревку, гиря ползла вверх, Зимин веревку отпускал. Гиря падала с трехметровой высоты и дробила синеватую породу.

Когда порода измельчалась до состояния горошин, Зимин наполнял ими корзину и волок к колесу.

Такие колеса любители животных помещают в клетки хомячков, белок и других мелких млекопитающих отряда грызунов – для развлечения оных. Но в этом колесе развлекался отнюдь не молодой бурундук, отнюдь не юная белочка. В колесе сидел Ляжка. К колесу был прилажен редуктор, от редуктора шел вал к жерновам. Зимин сыпал измельченную породу в жернова, на выходе собирался тонкий порошок синего цвета. За день ударного стахановского труда Перец, Зимин и Ляжка производили от шести до восьми кувшинов синего порошка. За восемь кувшинов полагалась прибавка к пайку в виде сушеных карасей концлагерного вида.

Кроме благородного Всадника П. и двух его вассалов, на

копях присутствовали всадники. В количестве трех штук. Три худосочных парня в черных хламидах и черных очках. Охранники.

Впрочем, охранники были особо и не нужны. Копи были плотно окружены болотами, пробраться через которые никакой возможности не было, это признавал даже склонный к авантюрам Перец. Так что бежать было нельзя.

Принуждать Перца, Зимина и Ляжку тоже было бессмысленно, поскольку в работе они были заинтересованы кровно: на копиях действовал простой, но действенный принцип – «Кто не работает – тот не ест». Так что охранники были скорее данью традиции. Заключенных надо охранять. Вот они и охраняли. Сидели на валунах, резались на пендели в карты, лениво жевали мятную траву.

Прошел уже почти месяц с того времени, как Зимин и Ляжка оказались в Месте Снов. В Стране Мечты.

И весь этот месяц Зимин проклинал себя и свое любопытство, дернувшее его подключить к своему компьютеру диск с программой перемещения.

И весь этот месяц Зимин много и тяжело работал на топливных копиях, принадлежавших Магическому Ордену. Топливо нужно было для летающих метел – основного средства перемещения всадников по воздуху.

Впрочем, всадниками их называли только Зимин и Ляжка, да и то иногда, упорный же Перец продолжал обзывать охранников колдоперами и пердолетчиками. Колдоперами

из-за того, что всадники были мелкими волшебниками и умели производить всякие незначительные фокусы. А пердолетчиками как раз из-за того самого средства перемещения, которое Зимин сначала принял за помело.

Вблизи помело оказалось вовсе не помелом. Основной частью являлся медный, похожий на большой кофейник, раструб, горловина которого заканчивалась сосудом размером с арбуз. Справа и слева от сосуда располагались резервуары с топливом. Наверху седло с ремнем безопасности. К седлу прикреплены тяги, ведущие к рулям. Отклоняешься в седле вправо – помело поворачивает вправо, отклоняешься назад – помело летит вверх. Все просто. Именно это устройство Перец презрительно называл пердолетом.

– Пердолет – единственное, что может изобрести колдопер. Пердолет и колдопер – близнецы-братья! Мы здесь добываем синюю пыль, которая позволяет пердолету летать! Но одной пыли для пердолета мало!

Перец снова ударил по штырю. Звук получился резко дребезжащий, Зимину заложило правое ухо. А охранники на камнях вздрогнули.

– А теперь поинтересуйся у меня, о любознательный Ляжка, почему все колдоперы ходят в черных очках?

– Почему все колдо... всадники ходят в черных очках? Они агенты секретных спецслужб? – тупо спросил Ляжка.

Перец гомерически расхохотался.

– Отнюдь, – сказал он, – отнюдь. Сейчас, о други мои в

этом унижительном несчастье, я раскрою вам страшную колдоперскую тайну!

«Страшную колдоперскую тайну» Перец произнес громким голосом, почти выкрикнул.

Охранники уставились на него, на ладонях заплясали разноцветные молнии, но Перец уже повернулся к охранникам спиной и принялся вбивать в скалу длинный стальной штырь. По пути, между ударами, он продолжал рассказывать:

– Так вот, мои преданные друзья, главная пердолетская тайна. Дело в том, что пердолет летает не на простой синей пыли. Пердолет летает на смеси из синей пыли и раствора соли. Эти компоненты попадают во взрывную камеру, где и взрываются. Причем они даже не взрываются, а резко расширяются, что образует реактивную силу. Мощную силу, ну, впрочем, вы сами видели.

Штырь вбивался. Зимин работал гирей. Ляжка бежал в своем колесе.

– Самая подлая штука заключается в том, что соль для раствора годится далеко не всякая. Раствор соли, который служит катализатором для пердолета, не что иное, как слезы! Вы думаете, почему пердолетчики все время ходят в черных очках или в капюшонах? Это потому, что каждый пердолетчик должен ежедневно наплакать пузырек слез! В противном случае его из пердолетчиков выписывают! Хоть в эльфы потом иди, хоть в рыцари, а хоть вообще сваливай. Вот они,

сердечные, и плачут! А не будешь плакать – пердолет не полетит!

И Перец обидно расхохотался.

– Работай давай, – сказал всадник на ближайшем камне. – А то жратву тебе сегодня не выпишу, феодал паршивый...

– Друзья мои! – Перец отставил в сторону кувалду. – Друзья мои! Истинный рыцарь, в отличие от всякой швали в черных пижамах, не зависит от жалких пищевых подачек! И может легко обходиться без пищи хоть месяц! Питаясь слюной, сгущаемой в желудке...

Ляжка хотел было возразить, что вокруг находятся не только настоящие рыцари, которые могут питаться сгущаемой слюной, но и люди попроще. Но поостерегся, поскольку Перец вошел в настоящий рыцарский раж, а в раже он был опасен, как бык на корриде, мог и зашибить.

– Я поведаю вам душераздирающую историю, которая случилась с одним из пердолетчиков в славный месяц... в славный, короче, месяц. – Перец театрально, прижимая руки к груди, поклонился. Потом продолжил: – Так вот. С одним молоденьким колдопером случилось несчастье. Он не мог наплакать еженедельный пузырек, и Вацлав, Магистр Ордена Пердолетчиков, недостойный угорь, которого лично я называю Ваца, так вот, этот Ваца уже грозил юнцу отчислением. А этому колдоперу так нравилось колдоперничать, что он просто не знал, что делать. Даже, верный девчачьему обычаю, подумывал молнию проглотить, избавив тем себя

от мук. Но потом ему в голову пришла одна идея. Он подумал, что слезы – не единственная соленая субстанция, производимая организмом. И что слезы вполне можно заменить другой жидкостью. Пердолетчик скопил этого, с позволения сказать, раствора соли, залил его в свой агрегат и стартанул. Хорошо так стартанул, высоко. Летит, счастливый. И вдруг бах – пердолет-то и заглох! Оказалось, что в этой самой жидкости соль не той системы – очень быстро заканчивается! И колдоперишко полетел с завываниями к земле! Он орал, как речная крыса, которую ухватила за огузок голодная щука! Его трусливые вопли разбудили в округе даже дохлых ужей! Ибо широко известно, что колдопер не может встретить смерть с достоинством настоящего кабальера, подобные чувства недоступны пердолетчику, но этого вот внезапно посетила мысль погибнуть героически. Не знаю почему, но посетила, такое иногда бывает даже с самыми недостойными. Он достал из-под своей пижамы колдоперский флаг и расправил его на ветру.

И Перец показал, как именно тот расправил флаг.

– А потом, пролетев еще метров пятьсот, пердолетчик вдруг придумал, как ему спастись. У каждого есть с собой хоть небольшой, но запас этого солевого раствора, это не секрет. И этот колдопер решил дозаправить свой аппарат в полете, вернее, в падении. И вот представьте эту картину! Колдопер с жалкими воплями несется к земле. В одной руке он сжимает свой флаг. А в другой...

Перец злобно расхохотался. Зимин и Ляжка тоже рассмеялись. Вообще по части историй Перец оказался продвинутым парнем, историй он знал целую кучу. И рассказывал их при каждом удобном случае. Зимину особенно нравились вечерние рассказы Перца, хотя и дневные были ничего. Как этот.

А Перец свой рассказ продолжил:

– К сожалению, сей муж не успел воплотить в жизнь свой замысел и на скорости, близкой к скорости звука, врезался в асфальтовое озеро. Другие колдоперы нашли это озеро и вытащили своего товарища. Он застыл в весьма неприглядной и двусмысленной позе.

Зимин и Ляжка снова расхохотались.

– А Магистр Ордена велел немножко подправить позицию этого страдальца, ну, чтобы он сжимал в руках исключительно флаг, а не что-то там еще. И велел установить в качестве памятника на главной площади колдоперской колонии. Как символ героизма и самопожертвования. А в официальной версии было указано, что у него отказал двигатель прямо над гномовским пуэбло, и чтобы среди гномовского населения не было жертв, он отклонил помело в сторону. Герой, короче.

Охранники злобно молчали. Зимин постепенно смещался к большому камню, он видел, как на пальце ближайшего стража начинает играть веселое голубое сияние – верный признак грядущей молнии. Ляжка молнии не замечал, но

остановился в своем колесе и смотрел через прутья.

– Эй ты, мистический тарантас, – обратился Перец к ближайшему охраннику. – Скажи, что это не правда, и я дам тебе двадцать крузейро ¹⁵!

Охранник не ответил, лишь выпустил в Перца молнию. Молния попала Перцу в шею, и тот свалился в пыль.

Зимин и Ляжка перестали смеяться.

– За работу, – сказал стражник и смастерил молнию размером с грейпфрут.

Ляжка быстро побежал в колесе, а Зимин принялся увлеченно работать своей гирей.

Но поработать на славу в этот день им уже не пришлось. Очень скоро сверху послышался звук, схожий со звуком пикирующего бомбардировщика. Затем условный свист.

– Три зеленых свистка. – Перец поднялся и потер шею. – Жратва приехала.

Со стороны заката на посадку заходило грузовое помело. Охранники собрали пыль в кувшинах, погрузились на помело и стали медленно подниматься вверх.

– Эй, пердолеты! – крикнул Перец вдогонку. – А как же пожрать?

С грузового помела обидно швырнули огрызком.

– Пожрать не будет, – заключил Перец. – Пердолетчики, как известно, очень обидчивый люд. У них такая т-о-онкая душевная организация, мышь чихнет – и все, вся душевная

¹⁵ Крузейро – бразильская денежная единица.

организация разорвется. У нас, кнехтов, напротив, организация утолщенная, нам страдания по барабану, жалко только, что голодаем сегодня... Но это ничего, усекая тело – накачиваешь дух, правда, Ляжка?

– Истинная правда, – ответил Ляжка. – Только кушать очень хочется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.